

Институт экспериментальной истории

Владимир Свержин

Воронья стража

«Автор»

2004

Свержин В. И.

Воронья стража / В. И. Свержин — «Автор», 2004 — (Институт экспериментальной истории)

Перед вами очередное дело лихой парочки из Института Экспериментальной Истории – отчаянного Вальдара Камдила и его закадычного друга по прозвищу Лис. Дело о наглом предательстве корсара Уолтера Рейли, ПОСАДИВШЕГО НА АНГЛИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ МАРИЮ СТЮАРТ!!! Законная королева Елизавета I томится в Тауэре – и ждет помощи от верного союзника Ивана Грозного... Король Испании Филипп II, решивший половить золотую рыбку в мутной воде, направляет к берегам Англии Непобедимую Армаду... Первая мировая война грозит разразиться не в XX, а в XVI веке... И останавливать подобный «исторический ляпсус» придется... ну, ясное дело, кому! Все ужасно? Но то ли еще будет!

© Свержин В. И., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	49
Глава 8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Пролог

Первый тур Марлезонского балета!
Распорядитель танцев

Норд-норд-ост, упорный, как английский бульдог, впившийся в хозяйский ростбиф, дул третьи сутки кряду, мешая «Дерзновению» устремиться к берегам Альбиона. То ли Господь в столь наглядной форме пытался высказать неудовольствие планами нашего brave капитана, то ли судьба, самая хитроумная из всех игроков, еще намеревалась высветить один-другой туз из рукава, внося оживление в и без того опасную забаву. Как бы то ни было, отчаявшись маневрировать галсами против ветра, Уолтер Рейли отдал приказ лечь в дрейф, дожидаясь милости от природы. Между тем ветер дул, не сбавляя силы. Зеленые волны Атлантики, точно слепцы, лишенные поводья, с грохотом бились лбами о крутой борт фрегата, горькими слезами опадая по просмоленным доскам, тысячами мельчайших капель взлетая к окнам кормовой надстройки, точно норовя подслушать беседу хозяина корабля и его «сановного пленника».

В этой неспешной, лишенной светских условностей беседе коротались долгие тоскливые часы ожидания, бесившие моего отчаянного соратника по реймской авантюре. Слушая мои признания в том, что я не Генрих Наваррский, а лишь его брат-близнец Шарль, корсар ее величества согласно кивал, но, похоже, веры моим речам у него не было. Впрочем, насколько я мог узнать сэра Уолтера, он вообще не был склонен верить во что бы то ни было. В отличие от моего дорогого «братца», решившего не смущать и без того обалдевших от чехарды с королями французов, он лишь пожимал плечами, не потрудившись выказать хотя бы дежурное удивление. Куда как более его заинтересовала весть о странной, я бы даже сказал, необычайной гибели последнего Валуа во дворе церкви в Пайене.

Дьявол побери! Просто аж обидно!

– Так, значит, Генрих III мертв? – задумчиво поглаживая удивленно вскинутую бровь, переспросил Рейли.

– О да, – разглядывая колеблющуюся от качки кроваво-алую поверхность бордосского вина в серебряном кубке, кивнул я.

– Уолли! Там же ж такое было! – поспешил оживить мое скудное «о да» красноречивый Лис, дорвавшийся наконец до напитков более серьезных, чем составляющие гордость Франции плоды виноградной лозы. – Жмуры из стен повылазили, все в железе, главный вообще с флагом. Кипеж поднялся, как на базаре, когда карманника лупят. В общем, подымите мне веки, отведите мне руки. Ну, король, понятное дело, молиться передумал, дернулся было к двери, но тут пуля просвистела – и ага!

– Что «ага»? – удивленно переспросил гостеприимный хозяин, списывая языковые вольности моего адъютанта на выкрутасы хваленного французского велеречия.

– Тю ты странный! – Шевалье д'Орбиньяк постучал себя пальцем по лбу. – «Ага» в данном контексте означает гаплык. Напрочь и навзничь. Наповал, одним словом!

– Тогда выходит, – неспешно проговорил Рейли, вычленив главное из кружевной вязи Лисовских словес, – корона Франции принадлежит вам. – Он ухватил себя за ус и начал задумчиво пощипывать его, точно норовя выдернуть дюжину-другую волосков. – То есть не вам, а вашему брату. Ну да все едино.

– И вовсе не едино... – попытался восстановить историческую справедливость я, но пафос моего протеста был смазан самым бесцеремонным образом.

– Сэр! – В капитанскую каюту, едва постучавшись, ворвался помощник вахтенного офицера с абордажной саблей наголо. – На горизонте вымпелы – четыре испанца!

Задумчивый взгляд корсара блеснул сталью, точно кто-то стремительно выхватил шпагу из разукрашенных блестящей мишурой ножен.

– Что за корабли? – теряя интерес к злокозненной судьбе французского трона, проговорил он, неспешно поднимаясь с места.

– Пока не видно, сэр! – отчеканил гонец, внезапно становясь во фрунт от хлесткого, будто удар бичом, вопроса молодого капитана.

И то сказать, посыльный был примерно раза в полтора старше Рейли и, по всему виду, куда опытнее в морском деле, чем его бравый, но до недавнего времени вполне сухопутный командир. Однако почтение, если не сказать трепет, который этот старый пасынок узких морей испытывал перед Уолтером, казалось, отнюдь не было заурядным проявлением субординации. Прикажи сейчас Рейли прыгнуть за борт, и ничего не смогло бы остановить этого обветренного всеми возможными ветрами морехода.

– Что ж, идем взглянем, кого там черти прислали. И спрячь саблю! Еще никому не удавалось взять на абордаж четыре корабля одновременно! Прошу извинить меня, господа. – В единый миг становясь из грубого вояки насмешливо-изысканным вельможей, он развел руками. – Я вынужден вас оставить. Сами понимаете, необходимо подготовить достойный прием гостям.

Не было его минут десять. Быть может, меньше. Минуты напряженного ожидания тянутся долго. Когда же он вновь появился в дверях капитанской каюты, на долю секунды обогня грохот собственных шагов, в нем не было уже ничего от того светского повесы, который не так давно коротал время, развлекая себя и нас непринужденной беседой.

– Ваше величество!.. О, проклятие, мессир! – с порога выпалил он, смеривая нас быстрым взглядом. – Да и вы, месье Рейнар, вы же выросли в Наварре, стало быть, владеете испанским языком.

– Ну дак ясен пень! – с неподдельным аристократизмом прирожденного идадьго гордо изрек Лис. – Мучачо бесами мучась! Нам ли не знать!

– Вот и прекрасно.

– Насколько я могу понять по вашему возбужденному состоянию, наше положение весьма незавидно, – начал я.

– Возможно, сир, вполне возможно, – нетерпеливо постукивая носком сапога по ковру, устилавшему пол каюты, хищно ухмыльнулся Рейли. – Об этом мы узнаем после драки.

Дверь нашего обиталища отворилась с печальным скрипом, и в нее, кряхтя от натуги, протиснулись уолтеровские головорезы в количестве двух весьма примечательных экземпляров. Сундук, который они волокли, судя по вычеканенному на крышке гербу рода де Силва, вероятнее всего, достался Уолтеру по наследству от прежнего хозяина «Дерзновения». Вместе с кораблем.

– Надеюсь, монсеньор принц, – корсар склонился в глумливо куртуазном поклоне, – ваше высочество не откажет в любезности поучаствовать в небольшом, но весьма увлекательном маскараде. Для вас, шевалье, в нем тоже найдется роль.

– Ну все! – раздался на канале связи страдальческий голос Лиса. – *Так я и знал! Опять старушка мать не прижмет к груди героя. Опять маскарады, увеселения, танцы до упаду, фейерверки с неминуемым разрушением исторических памятников. На всякий случай предупреждаю, Вальдар. Если хочешь, запишу тебе на бумажке и зашью в подкладку: ты не Шарль Бурбон, герцог де Бомон, брат-близнец Генриха Наваррского, ты сотрудник Института Экспериментальной Истории и наша миссия в этом мире, как я думал три дня назад, уже закончена. Честно говоря, я был бы рад и дальше упорствовать в этом заблуждении.*

Я метнул на Рейнара укоризненный взгляд. Конечно, прошлогодние злоключения: взрыв в Лувре, моя контузия, повлекшая потерю памяти и невольное самозванство, подбросившее в колоду политических карт Европы еще одного короля, были непростым испытанием для нас обоих. Но все это уже позади, и теперь я не менее своего друга желал возвращения к родному

очагу. Не моя вина, что вместо люгера,¹ который должен был подобрать нас в море и доставить к месту камеры перехода, нам попался рыскающий в поисках добычи королевский корсар. Вернее, это мы попались. Причем весьма основательно.

– *Ну, Капитан, какие будут предложения?* – участливо осведомился Лис. – *Будем плясать гопака или скажемся больными?*

– *В споре между испанским фейерверком и английским маскарадом мне, честно говоря, ближе англичане,* – вздохнул я, предчувствуя, что веселиться на этом празднике будут далеко не все.

– *Почему-то я так и подумал,* – подытожил д'Орбиньяк. – *Тогда самое время примерить маски.*

¹ быстроходное двух-трехмачтовое судно, в основном использовавшееся контрабандистами и охотниками на них. – *Здесь и далее примеч. автора.*

Глава 1

*Если Господь не хранит стены – напрасно бодрствует стража.
Псалом 126*

Экипировка была закончена, и Рейли, критически оценив результат, довольно прищелкнул пальцами:

– Как говорят у вас, французов: «Э вуалья!» Вы прирожденный испанский гранд! Вот только бы волосы подкрасить.

– *Средство «Титаник»! Радикально черный цвет!* – ни с того ни с сего завопил на канале связи ехидный Лис. – *Не смывается ни водой, ни керосином!*

Я невольно поморщился. Мне с трудом удалось отстоять суверенное право не надевать розовые чулки к пурпурным панталонам с нежно-зеленым камзолом, расшитым золоченым шелковым шнуром. И хотя полученный в результате краткой, но бурной перепалки костюм, на мой взгляд, все равно выглядел вызывающим, точно брачное оперение попугая ара, но тут уж делать нечего – время диктует моду. Как утверждает Коко Шанель: «Первыми модниками были портновские болваны. За ними все остальные». С тех пор как правоверные гугеноты, чванясь нарочитой скромностью, взяли за правило носить одежду черного и белого цветов, добрые католики, в отместку им, разрядились в пух и прах, заставляя молча давиться от зависти тропических птиц. Мой костюм был выдержан в красных тонах. Хвала Всевышнему, в темно-красных. Тоже не абы что, но все же не такой шок для взыскательного английского вкуса.

– Превосходно! – Уолтер поправил серебряную, покрытую финифтью² пряжку, скреплявшую брабантские кружева на моем левом манжете. – А теперь запомните: вы посланец его треклятой светлости дона Фернандо Альвареса де Толедо, герцога Альбы. Ринарио – ваш адъютант, а я – капитан «Святого Януария». Неделию назад мы вышли из Антверпена.

– Простите, капитан чего? – переспросил я.

– «Святого Януария», – отмахнулся Рейли, подтверждая, что я не ослышался. – Думаю, что эти названия испанцам будет прочитать куда проще. Да и приятнее. Пусть напоследок потешатся. Но к дьяволам слова! У нас нет ни одной лишней минуты! Идемте! Я все объясню по дороге.

Палуба «Дерзновения» была почти пуста. Несколько человек без суеты копошились у трапа, свисавшего за борт корабля. Еще шестеро матросов, судя по костюмам, также участвующих в маскараде, стоя у фальшборта, активно размахивали шляпами, старательно «радуясь» приближению «земляков». Я огляделся, пытаюсь лучше представить себе то, что нам предстоит совершить. Вскобленная до белизны палуба неспешно качалась под ногами, вздымаясь вверх и опускаясь вниз, точно грудь мирно спящего человека. Вымпел со львами и башнями, длиною, пожалуй, превосходящий грот-мачту, над которой он развевался, испуганно хлопал на ветру, норовя улететь подальше от притаившегося врага. Деревянные ступени трапа, кажется, именуемые выбленками, тревожно стучали о борт, точно зубы странника, продрогшего на морозе.

– Все готово, сэр! – отпартовал рослый детина в накинутом на плечи испанском камзоле и холщовых матросских штанах. Судя по серебряной дудке на груди, боцман. Бархатное произведение портновского искусства, сшитое где-нибудь в Мадриде, было ему до смешного мало. А главное, никак не гармонировало с парусиновыми штанами – предками современных джинсов.³ Да и вряд ли он собирался долго таскать эту расфуфыренную одежду. Я собрался

² Финифть – цветная эмаль.

³ Первые джинсы шили из гентуэзской парусины. По-английски – джинс.

было съязвить, глядя на этот нелепый наряд, но, вовремя вспомнив, что хозяин камзола, должно быть, составил меню каким-нибудь местным селедкам, сдержался.

– Экий красавец! – пробормотал Рейли, бросая на испанский флагман взгляд, каким одаривает добрую хозяйку кот в минуту, когда та несет ему подрумяненную баварскую сосиску. – Чувствую, он будет моим.

– *Мама, купи мне такой!* – не замедлил прокомментировать Лис. – *Я буду хорошо себя вести. Целую неделю! Может быть.*

Признаться, я не разделял радостного возбуждения соратников. Сорокапушечный галеон и три пинасы,⁴ по десятку стволов на каждом, – пожалуй, слишком крупный кусок для «Дерзновения». И хотя план, изложенный Рейли по дороге с юта⁵ на палубу, не был лишен элегантности, в случае провала лучшее, что могло нас ждать, – это смерть в бою.

– Поспешим, судари мои! – с затаенным восторгом крикнул почуявший близкую добычу ловец удачи. – Гости наверняка заждались!

– *Но Наверняка так и не пришел...* – прочувствованно закончил Лис его мысль. – *Капитан, если шо, мы коренные испанцы, сами не местные, отстали от корабля. Нас использовали буквально под дулом пистолета.*

Между тем Рейли ловко перемахнул через фальшборт и, весело насвистывая залихватский мотивчик, начал спускаться вниз, туда, где, резво прыгая с волны на волну, поджидал нас капитанский баркас. Я вздохнул, поправил перевязь шпаги и обреченно последовал за королевским корсаром.

Весла тихо входили в воду, практически не вырывая клочьев пены из могучей спины легендарного Моря Мрака, перекатывавшего под отблескивающей кожей воды свои могучие мускулы.

– Хорошо гребут, – удовлетворенно глядя на матросов, проговорил Рейли. – Одно слово – зееландцы!⁶ Наши так не умеют.

Я знал, что изрядная часть экипажа «Дерзновения» набрана Уолтером из вчерашних гёзов,⁷ яростных сторонников Вильгельма Оранского, или Вильгельма Молчаливого, как именovali его сами голландцы. Но сейчас мне было не до их мастерства, хотя, спору нет, проводившие на воде примерно такую же часть жизни, как и на суше, уроженцы Зееланда могли дать десять очков вперед как в гребле, так и в хождении под парусом.

Я бросил тоскливый взгляд на «Дерзновение», покачивающееся за кормой баркаса, ходко сокращавшего расстояние от ряженных испанцев к настоящим. Фрегат казался вымершим.

Впрочем, строго говоря, этот корабль нельзя было именовать фрегатом. До того момента, как по приказу Кольбера – министра финансов при дворе короля Людовика XIV, внука моего «дорогого братца», был спущен на воду первый истинный фрегат, оставалось еще лет девяносто. Но с тех пор, как в середине века вышло из употребления словечко «каракка», определявшее этот тип судов, их именovali просто «корабль». По-итальянски – «каравелла», по-голландски «фрегат» – боевой корабль. Но это так, к слову. Назови я сорокаярдовое суденышко, дрейфующее у нас за спиной, каравеллой, фрегатом, да хоть и подводной лодкой, – сути дела это не меняло.

По большей мере успех предстоящего нам предприятия зависел от слаженности действий оставшейся на борту команды. Артиллерийская дуэль с втроекратно превосходящим по силе противником, да еще на такой дистанции, была бы бессмысленна. Попытка довериться парусам – и того хуже. Ветер неминуемо гнал бы нас к испанскому берегу со всеми вытекающими

⁴ Пинаса – трехмачтовый корабль, широко использовавшийся в XVI–XVII вв. как для торговых, так и для военных целей.

⁵ Ют – кормовая надстройка.

⁶ Зееландцы – жители голландской провинции Зееланд, известные как отличные мореходы.

⁷ Гёзы – дословно: нищие. Участники восстания против испанской монархии в Голландии.

последствиями. Абордаж? Затея, несомненно, славная, но только в приключенческих романах испанцы – никудышные солдаты, которых дюжинами косят храбрые английские пираты. В жизни же, увы, испанская сухопутная армия не знает себе равных. По крайней мере сейчас – в последней четверти шестнадцатого века. Так что, как ни крути, как ни прикладывай, а план Рейли был лучшим из всех возможных в сложившейся обстановке. Но то отнюдь не делало его краше.

Борт испанца был уже совсем близок. Почти полностью съеденные морем шляпки медных гвоздей, покрывавшие днище галеона ниже ватерлинии, недвусмысленно свидетельствовали о том, что «Сан-Антонио», а именно этого страстотерпца избрал в святые покровители галеону истово верующий Филипп II, уже давно покинул родной порт. Ключья же диких водорослей, то тут, то там появлявшихся из воды, когда корабль поднимался на волне, наводили на мысль о том, что маленькая эскадра держит путь из колонии в Вест-Индии. Впрочем, откуда еще ей взяться в этих широтах?

– Спустить трап! – раздалась команда с борта галеона, и я, мысленно перекрестившись, шагнул к опускаемой лестнице, возможно, лестнице на эшафот.

Голланды Уолтера ловко поймали брошенный с корабля трап, стараясь облегчить подъем своему молодому командиру и его гостям.

– Ола! Буэнос диас, сеньорас! – несло с палубы. – Комо естас?⁸

– Грасиас, мучо буэно!⁹ – за моей спиной процедил Лис. – А уж какое у вас сейчас «буэно» начнется – это уж буй сигнальный его знает!

Что ни говори, всегда приятно за тридевять земель посреди открытого моря встретить земляков, обменяться новостями, поведать о необычайных приключениях и героических подвигах, совершенных за несусветную уйму миль отсюда. Импульсивные, как все дети Средиземноморья, испанцы, пожалуй, ярчайшее подтверждение этого правила. Не держа и мысли о возможном подвохе, они были искренне рады нам.

Десятки рук тянулись вниз, чтобы помочь взойти гостям на борт. Я невольно поморщился, досадуя на свое участие в предстоящем вероломстве, но... Внезапно в моем мозгу всплыла давняя, полузабытая, впрочем, не так давно возвращенная на прежнее место, история. Корвет британских королевских военно-морских сил «Феникс» и отважный пират, герой Америки и будущий российский адмирал Джон Пол Джонс, старательно изображающий капитана затонувшей французской шхуны. Тогда эта его милая уловка стоила нам потери корабля, а мне лично – дырки в плече. Но сейчас, почувствовав себя в шкуре этого отъявленного проходимца, я отчего-то вдруг пришел в возбужденно-радостное состояние духа. Лицо мое расплылось в улыбку. Но право слово, отчего ж печалиться, встречая друзей посреди безбрежного океана!

– Рад приветствовать вас на борту «Сан-Антонио», сеньоры! – Изящный, точно полуночная серенада, кабальеро, должно быть, вахтенный офицер, приветливо склонил голову. – Смею ли узнать, кого благодетельный случай в безмерной милости своей привел на этот корабль, за последние месяцы ставший всем нам домом?

– *Ничего так халабудка!* – по-хозяйски оглядывая точеные витые колонны галереи, идущей вокруг массивной кормовой надстройки, подытожил наблюдения Лис. – *Всю эту дребе-день, поди, натуральным золотом крыли! Так шо, ежели шо, ежели борта поскрести, так зарплату экипажу можно месяца за три зашиблять.*

Мой напарник был человеком хозяйственным, и хотя не было случая, чтобы он дрогнул в бою, любую схватку, в том числе и предстоящую, он рассматривал исключительно как досадный просчет.

⁸ Привет! Добрый день, господа! Как дела? (исп.)

⁹ Спасибо, очень хорошо! (исп.)

– Дон Карлос Энрике Мария Валенсо... де Сильва Мальола, – придерживая эфес шпаги, чтобы кончик ее в ответном поклоне не задирался выше головы, горделиво сообщил я.

Испанскому гранду зазорно иметь менее шести имен. Меньшему количеству святых никак невозможно доверить столь драгоценную особу. Лучше, если небесных покровителей будет семеро: во-первых, чтобы по одному на каждый день недели, а во-вторых, семь – просто хорошее число. Впрочем, можно эту группу поддержки довести и до восьми. С испанским пристрастием к рому в критические дни, одному святому с грандом не управиться.

Между тем наша троица направилась к шканцам.¹⁰ Вслед за нами двое гребцов с огромной корзиной, полной оплетенных бутылей с вином – неперенный подарок гостеприимным хозяевам.

У резного трапа, ведущего с палубы на высокую надстройку юта, в общем-то и называемой «галеон», перед дубовыми ступенями, покрытыми ковром, почетным караулом было выстроено два десятка алебардиров. Бравых молодцов в надраенных полудоспехах, в морионах с лихо загнутыми вверх полями и однообразно каменным выражением на темных от загара лицах. Трап, отделяющий благородную часть корабля от заполненной простолюдинами палубы, чуть слышно скрипнул под нашими сапогами.

– Все как я и думал, – тихо прошептал за моей спиной Рейли. – Фальконеты заряжены.

Я молча кивнул. Его расчет, несомненно, был правильным. Два легких, поворачивающихся на вертлюгах орудия, обычно заряжаемых картечью, устанавливались на шканцах таким образом, чтобы в случае abordaja обстреливать палубу. Кормовая надстройка являлась своеобразной цитаделью корабля, и, удержав ее, можно было справиться с попыткой вторжения. Но поскольку фальконет не зарядишь в три секунды, его готовили к бою, лишь только на горизонте показывались мачты неведомого чужака – на всякий случай. Вот и сейчас орудия были изготовлены к отражению abordaja, и голые по пояс канониры с явным облегчением взирали на поднимающихся по застеленной ковром лестнице «друзей».

– Сеньор адмирал ждет вас, – еще один разряженный идальго приветствовал нас изысканным поклоном и указал рукой на золоченое резное кресло, в котором, смежив очи, принимал солнечные ванны почтенного вида старец.

Невзирая на жару, он был упакован в парчу и бархат, точно ожидал приема у его величества короля Арагона, Кастилии, Сардинии и обеих Сицилий, Наварры, Гранады, Галисии, Майорки, Валенсии, Мурсии, Севильи, Кордовы, Альхесираса, Гибралтара, Португалии, Алжира, Бразилии, Ост-Индии, Вест-Индии... И это далеко не все, что я мог вспомнить, как говаривает Лис – «навскидку». Горделивое лицо умудренного годами флотоводца покоилось на широком кружевном сооружении, именуемом «блюдо святого Иоанна», и казалось, ничего – ни наше появление, ни шальной ветер, дергающий адмирала за седую бороду, – не способно было отвлечь его от дремотно-возвышенных размышлений.

– Монсеньор! – Наш провожатый приблизился к бесстрастному, точно собственное надгробие, командиру эскадры. – Они прибыли.

Глаза дряхлеющего морского волка неспешно открылись, и темные зрачки уставились на незваных посетителей не столько с интересом, сколько с укором.

«И пришло же нам в голову попасться ему навстречу в самый разгар сиесты!»

– Дон Эстебан Хосе-Мария Мануэль Педро Антонио Ортега граф де Корвовецкьо! – огласил куртуазный адъютант, едва заметив изменения в лице молчаливого повелителя. – Адмирал его величества короля Испании Филиппа II.

– Ваша милость! – Наши шляпы описали в воздухе затейливые восьмерки и вернулись на прежнее место. – Мы счастливы видеть вас в добром здравии!

¹⁰ Шканцы – часть верхней палубы между грот– (второй) и бизань– (третьей) мачтами.

– Пустое, – скривившись, вероятно, от мучающей его подагры, прервал нас дон Эстебан. – Извольте сообщить, что вы делаете в этих водах?

– *Слушай, Вальдар! Мне этот старикан определенно не нравится*, – возмутился на канале связи Лис. – *Шо он, в натуре, понты колотит?! Мы тут гребли, как в корму укушенные, торопились, винчика подогнали, а он ни тебе «здрасьте», ни мне «до свиданья»!*

Между тем адмирал погладил рукой грудь, точно проверяя – на месте ли заветный барашек ордена Золотого Руна, выглядывающий из-под жабо, и вперил в меня свой немигающий взор.

– Монсеньор! – Я еще раз поклонился. – С вашего позволения, я капитан де Силва, офицер штаба доблестного герцога Альбы. Уже две недели, как наш корабль вышел из Антверпена в Бильбао. Но, увы, едва лишь мы покинули воды английского канала, на экипаж напала неведомая хворь, погубившая три четверти матросов «Святого Януария». Хвала Всевышнему, проклятая лихорадка отступила, но те люди, которые, по счастью, выжили, измождены до крайности. Поглядите на них! Здесь почти все, кто еще способен держаться на ногах. Мы уже четвертый день в дрейфе, ибо экипаж не в силах управлять кораблем. Сам Господь послал вас нам навстречу!

– *Хорошо поёшь, черт побери! Тебе б в переходе подаяние просить – озолотился бы! Дави из него слезу на полную катушку!*

Старина Лис всегда умел найти в нужный момент душевные слова поддержки. Сделав вид, что ничего не слышу, я открыл было рот, чтобы продолжить стенания и жалобы на злую судьбу, но дон Ортега досадливо отмахнулся, делая знак неумному трескуну замолчать.

– Не слишком-то они измождены, как я вижу, – бросил он вскользь, глядя на крепышей, притащивших тяжелую корзину с бутылками, и выстроившихся у трапа гребцов. Команда бараса, собранная из отборных абордажников, прижав к груди шляпы, скромно дырлявила взглядами палубу. Как подобает пусть верному, но все же голландцу перед испанцем. – Чего же вы хотите от меня, де Силва?

– Быть может, у вас, ваше сиятельство, найдутся люди, которые с вашего позволения перейдут на борт «Святого Януария», чтобы усилить его команду?

– Люди?.. – скривился граф де Корвовеккьо. – У нас нет лишних людей. Если вы спешите, можете оставаться здесь. Правда, мы идем не в Бильбао, но через неделю, в худшем случае – дней через десять, вы уже будете в Испании. А вашему голландскому шкиперу, если можете, передайте, чтобы он покрепче гонял своих лодырей. Пеньковые припарки – лучшее средство от лени.

Стоит ли говорить, что идея остаться на борту адмиральского флагмана не слишком вязалась с моими дальнейшими планами. Я перевел лжеголландцу прочувствованную речь доброго хозяина, и Рейли выругался себе под нос на том непереводимом наречии, на котором изъясняются жители побережья Па-де-Кале.

– Прошу простить меня, сударь! – демонстрируя на лице отчаяние, воскликнул я. – Но мне необходимо быть именно в Бильбао! Я везу адмиралу Буссю секретные сведения о планах предводителя морских гёзов Дирозоона!

– *Это еще что за хрен с бугра?* – удивленно осведомился Рейнар. – *Где ты этого Зоодирола выкопал?*

– *Мой дорогой друг, да будет тебе известно, что в сентябре текущего года, во всяком случае, в нашем времени, флотилия голландского адмирала Дирозоона разгромила численно превосходящую эскадру Буссю. А судя по тому, что сейчас май, какие-то мыслишки на эту тему у гёзов уже наверняка крутятся.*

– Пустое! Что могут гёзы против мощи испанского флота! – окончательно просыпаясь, отрезал Ортега. – Они трусы и только то умеют, что нападать исподтишка!

– О! Верно-верно! – на ломаном испанском произнес за моей спиной Рейли. – Грандиозно верно!

– Даже он согласен. – Адмирал ткнул пальцем в Уолтера, во время своей фландрской кампании нахватавшегося испанских словечек и теперь применявшего их к месту и не к месту.

– Гёзы задумали нападение на Бильбао! – на ходу начал импровизировать я. – Гугеноты Ла-Рошели готовы им в этом помочь. Я должен быть в порту как можно быстрее! Сами понимаете, монсеньор, если вдруг станет известно, что вы перед лицом неминуемой угрозы вторжения отказали посланцу герцога Альбы, король будет весьма недоволен!

– А кстати! – не давая мне закончить задуманную речь, выпалил Лис, донельзя тяготившийся своей безмолвной ролью. – Дон Карлос, между прочим, родственник нашему любимому королю. Так шо сами соображайте, какой хай начнется!

– Очень дальний! – поспешил я успокоить недобро зыркнувшего адмирала и, активизировав канал закрытой связи, с красочными пожеланиями счастья и долгих лет жизни, поинтересовался у напарника:

– Рейнар! Что это тебя проняло?

– А шо он, в самом деле, тут пальцами разводит? Ты ж у нас, типа, брат-близнец Генриха Наваррского, а он, между прочим, женат на королеве Марго.

– Я что-то об этом слышал, – хмыкнул я, припоминая нашу последнюю встречу с Маргаритой.

– Ну дак, а родная сестра нашей Маргоши замужем за этим самодержцем. Филя. Зовите меня просто Филя, – ни с того ни с сего завершил он.

– Так и быть, – скривился дон Ортега, точно принятое решение требовало от него отсечения одной из конечностей. – Дам вам людей из абордажной команды. Дальше уж сами думайте. Я вновь отвесил грациозный поклон:

– Ваша доброта не знает границ, монсеньор! Я не премину упомянуть об этом на аудиенции у его величества.

– Извольте отобедать с нами? – сухо отозвался дон Эстебан.

– С превеликим удовольствием! – улыбнулся я.

– Распорядись! – прикрывая глаза и возвращаясь к прерванной углубленной медитации, кивнул адъютанту граф де Корвовецкьо.

– Слушаюсь, монсеньор! – выпалил тот, бросаясь исполнять приказания начальства.

– Одной шпагой меньше, – хозяйственно подытожил Лис.

Все разворачивалось как нельзя лучше. Три шлюпки, заполненные абордажниками – отчаянными рубаками на твердой почве, но никудышными матросами, отвалили от борта «Святого Антония», направляясь к безлюдному, точно корабль-призрак, «Дерзновению». Матросы, расстававшиеся с приятелями, ставшими за месяцы плавания уже совсем родными, махали им вслед шляпами, крича напутствия. Ярд, еще ярд. Шлюпки были все ближе и ближе к заветной точке. И вот...

Стон, не то отчаяния, не то недоумения, не то уж совсем звериного чувства осознания захлопнувшейся западни, огласил палубу. Пушечные порты «Дерзновения» открылись как по мановению волшебной палочки, и борт его ошетинился жерлами заждавшихся своей вокальной партии орудий.

Гггах!!! – басовито рывкнули пушки, салютуя испанцам картечью. Белый сладковатый дым заволок фрегат, пряча от слабонервных зрителей и хладнокровных убийц, и их не успевающую ничего понять жертву. Для нас открывание портов было сигналом к началу действий.

– Вперед! – Голос Рейли на долю секунды опередил орудейный залп.

В тот же миг «изможденные» голландские матросы, выстроенные в две шеренги, отбросили шляпы, демонстрируя скрываемые под ними абордажные пистолы. Не дожидаясь даль-

нейших распоряжений, первая линия корсаров рухнула на колени, стреляя по ногам горделивым алебардирам, охранявшим покой монсеньора адмирала. Вторая, паля на ходу, бросилась к обоим трапам, ведущим на ют. Звук выстрелов слился с орудийной канонадой, и, должно быть, от этого испанцы лишь через мгновение уразумели, что происходит у них на борту. Но этого мгновения было достаточно, чтобы проиграть бой. Спустя считанные секунды кормовая надстройка была захвачена, канониры сброшены за борт, тесаки и пистолы, припрятанные в корзине под винными бутылками, расхватаны, а фальконеты развернуты для стрельбы вдоль палубы.

– Хладнокровней, граждане, это налет! – возбужденно орал Лис. – Руки на затылок! Стоим, молчим, улыбаемся!

Оторопевший от произошедшего адмирал схватился было за подлокотники кресла, сиюсь встать, однако, наткнувшись взглядом на острие шпаги Рейли, лишь молча заскрежетал зубами и возвратился в исходную позицию.

– Переведите ему, ваше высочество! – насмешливо глядя на незадачливого вельможу, оскалился Уолтер. – Мое имя – Уолтер Рейли. Я – корсар ее величества королевы Елизаветы. Пусть прикажет своим людям сложить оружие, и я даю слово джентльмена сохранить им жизнь. И ему, кстати, тоже.

– Проклятье! – отрешенно выслушав столь убедительный текст ультиматума, процедил дон Ортега. Затем, сделав несколько глубоких вдохов, точно проглатывая столь не заслуженный на старости лет позор, хрипло выкрикнул так, чтобы его слышали на палубе. – Делайте то, что он велит! Мы сдаемся!

Глава 2

– И ты Брут?

– И я, Цезарь!

– Не ждал.

– Сюрприз!..

Псевдо-Октавиан

Мы ели, или, по выражению шевалье д'Орбиньяка, «хряцали», жареную картошку, и суровые боги ацтеков, выстроенные у стены каюты почетным караулом, с явным неодобрением взирали на это святотатство. Должно быть, они полагали более правильным сначала угостить их, а уж потом вкушать от заморских плодов самим. Данной трапезе предшествовала следующая история.

Когда возбужденный легкой добычей Рейли решил присоединить к своему призу следовавшие за галеоном пинасы, он и подумать не мог, какая добыча ожидает в трюмах этих кораблей. Он вполне искренне полагал, что, невзирая на приказ адмирала Ортега о капитуляции, легкие на ходу испанские купцы поставят все паруса и бросятся наутек, оставляя англичан с носом. Откуда же ему было знать, что испанские пинасы попросту не в силах развить сколь-нибудь значительную скорость, ибо по самую палубу нагружены серебром с мексиканских рудников, золотыми идолами древних ацтекских богов и многим, многим другим драгоценным скарбом, прихваченным конкистадорами в местных храмах. Вроде той усыпанной сапфирами и изумрудами солнечной диадемы, коей увенчал себя Рейли в ознаменование великой победы.

– Куда ж все это грузить, милорд? – убивался уже знакомый нам боцман, руководивший перемещением драгоценностей из трюмов пинас на борт «Дерзновения» и «Уарспайта» – «Боевой Ярости». Именно такое название отныне носил блаженной памяти «Святой Антоний».

– Все лишнее за борт! – командовал торжествующий победитель.

– Слушаюсь, милорд, – рявкнул боцман, резвым аллюром отправляясь ревизовать залежи «лишнего», подлежащего принесению в жертву кокетливым русалкам.

Верный слову джентльмена, Уолтер приказал сохранить жизнь испанцам. И даже более того – тем из них, кто отказался перейти под его знамена, а таких оказалось что-то около двух третей, предоставил в полное распоряжение освобожденные от груза пинасы. Правда, до этого он распорядился перегрузить на свои корабли все найденное продовольствие и велел напрочь обрубить весь бегучий такелаж... Однако насчет целостности кораблей и провианта никаких обещаний не было.

Боцман появился на капитанском мостике минут через двадцать, чтобы задать sacramентальный вопрос:

– А цветочки-то, поди, тоже за борт?

– За борт, – кивнул Рейли.

– Что за цветочки? – лениво поинтересовался я, скорее из досужего любопытства, чем действительно интересуясь, откуда на борту королевского корсара взялись цветы.

– Да я рассказывал! – отмахнулся самодовольный триумфатор, созерцающий, как матросы радостно срывают крышку ящика с пернатым богом Кецалькоатлем. – Экое страшилище! Ко мне тащите. В каюту. Мы тут давеча одного портогаса¹¹ перехватили. А у того в трюме клубни каких-то цветов из Нового Света. Думал милашке Бетси отвезти, да ничего, обойдется наша Диана-Вирджиния без заморских веночков.

– Клубни? Это тюльпаны, что ли? – решил блеснуть эрудицией д'Орбиньяк.

¹¹ Портогас – португалец.

– У тюльпанов, кажется, луковицы. Да и не растут они, по-моему, в тех краях, – усомнился я.

– Нет, не тюльпаны, – мотнул головой Уолтер. – Португалец, кажется, именовал их «пататы». Ну что ты встал? – Корсар отвлекся от созерцания оскалившегося идола и грозно рыкнул на боцмана: – Дьявол тебе в корму! Сказано же – за борт!

– А ну стоять! – заглушая последние слова капитана, заорал Лис. – Какой «за борт»?! Охренел, что ли? «Пататы, пататы»! Картоха!!! Да я вам такое из нее приготовлю!

– Из цветов? – Брови Рейли удивленно поползли вверх.

– Ага! Из пестиков и тычинок! Дикие люди! Не знают, что такое картошка!

– *Лис! Я ничего не хочу сказать, но в нашем мире именно Рейли познакомил европейцев с этими корнеплодами.*

– *А?! Вот оно как! А я уж думал, что он совсем мозгами поистерся. Не, ну классно! Это мы хорошо попали! Картошка – это правильно! А то я тут от местных каш уже опух.*

В устах моего друга сообщение о том, что он опух, звучало по меньшей мере спорно. Его тощая жилистая фигура не являла ни малейшей склонности к полноте. И вот теперь мы ели жареную картошку, и трофейные боги уныло созерцали быстро пустеющее серебряное блюдо.

Именно в этот миг, когда охота на ломтики жареной свинины подходила к концу и наша троица, обретшая теперь нового собеседника в лице пленного адмирала, готовилась к поглощению десерта, на канале закрытой связи, знаменуя трубный глас руководства, возник инстинктивный резидент и наш добрый друг Мишель Дюнуар, коронный шляхтич пан Михал Черновский. Сей достойный муж, официально представляющий при французском дворе особу короля Речи Посполитой – Францишка, бывшего герцога Франсуа Алансонского, руководил операциями Конторы по всей Европе и еще неделю назад искренне полагал, что сделал все необходимое для обеспечения спокойной эвакуации отработавших агентов, то есть нас. Как бы не так! С тех пор каждый день пан Михал появлялся на канале связи с однообразным вопросом. Узнали ли мы что-нибудь новое о планах Рейли?

Что я мог ему ответить?! Мы шли в Англию. Должно быть, умиловившись выброшенным за борт хламом, Нептун сменил гнев на милость, и наши корабли поймали ветер. Мой рассказ о богатой добыче, захваченной у испанцев, кажется, успокоил резидента. Поэтому, сообщив, что тайный агент в Лондоне позаботится об освобождении сановных пленников, пан Михал, любезно попрощавшись, отправился вершить дела европейской политики, жонглируя тронами и сердцами, как заправский циркач кольцами.

– Клянусь кисточкой с хвоста Люцифера, – макая кусок лепешки в аппетитный жир, покрывающий дно блюда, прочувствованно бросил Рейли, – шевалье, я и помыслить не мог, что вы обладаете столь изысканным кулинарным талантом!

– Ну это еще что, вы еще деруны не пробовали! – снисходительно махнул рукою д'Орбиньяк, и то ли пламя фонаря, качнувшись, странно осветило его лицо, то ли он действительно зарделся от похвалы. – Да с солеными огурчиками! Я их знаете, как солю, – пальчики оближете!

– Очень может быть! – в тон ему подтвердил корсар, слизывая с перстов ароматную мясную подливку.

– Огурчики, знаете, такие маленькие, в пупырышках. Один к одному – прямо не огурцы, а гвардейцы! Я туда чесночок кладу, лаврушечку, вишневый лист, перчика добавляю...

Глаза испанского адмирала округлились так, что по ним можно было проверять форму спасательного круга. Для простоты общения мы разговаривали по-французски, и хотя даже этот язык дон Ортега понимал с трудом, слово «перец» он уяснил вполне.

– Вы что же, кладете в это варварское блюдо драгоценный перец?

– Адмирал, ты шо, в натуре?! Тебя в детстве бешеный краб покусал? Кто ж огурцы без перца солит?

– О-о-о! – со смешанным чувством восхищения и осуждения выдавил флотоводец.

– Зато ж они такие ядренные выходят, шо хоть пламя выдыхай! А под первак, ну, виски по-вашему, ва-аще идет – закачаешься!!!

– Да... – протянул Рейли. – Редкостный талант!

Рейли вытер пальцы о бархатную скатерть и поднялся из-за стола:

– Благодарю вас за приятную компанию, господа. Все было замечательно, но, увы, я вынужден вас оставить. Монсеньор принц! Я весьма настоятельно прошу вас составить мне компанию на капитанском мостике.

Уолтер и в прежние времена, во дни службы под моим командованием, не отличался особой почтительностью, посреди моря же и вовсе думать забыл о куртуазности поведения.

– Идемте, месье! Я хочу с вами посекретничать.

– Так вы говорите, в вашей стране много перца? – уже за моей спиной начал допрашивать разоткровенничавшегося Рейнара граф де Корвовеккьо.

– Да ну просто завались! – заверил его д'Орбиньяк, наверняка ощущавший себя в эти минуты прежним Сергеем Лисиченко. – И черного, и красного, и этого – болгарского сладкого, паприкой кличут! Шо грязи!!!

– О-о-о! – вновь выдохнул ошеломленный таким изобилием адмирал.

Я молча вздохнул. Пожалуй, третья бутылка виски, да под качку, для моего напарника была лишней.

Мы возвращались в Англию. Пленный галеон под английским флагом плелся точно привязанный за кормой «Дерзновения». Время от времени по правому борту виднелся берег охваченного смутой французского королевства. Государства без государя, страны, раздираемой на части сторонниками различного прочтения древних баек. Не мне, конечно, судить, но Сын Божий, вероятно, дал бы распять себя вторично, узнай Он о мерзостях, творимых Его именем. И учеников бы своих велел забросать камнями, лишь бы те ничего за Ним не записывали. А уж тем более не проповедовали. Дивное существо человек... Тяга к преодолению запретов – вот единственное, что вынес он из райских кущей. И, как показывает опыт последних тысячелетий, кровавое искупление ему не пошло на пользу.

Уолтер Рейли стоял на капитанском мостике «Дерзновения», широко расставив ноги и вцепившись руками в покрытый резной арабеской бордюр, точно силился оторвать от него эту потемневшую от соленого ветра доску.

– Вы хотели говорить со мной, Уолтер? – неспешно оглядывая горизонт, сказал я, присоединяясь к задумчивому корсару.

– Да. – Рейли повернул ко мне лицо, моментально стирая с него следы тяжелых размышлений. – Я только что восхищался дарованиями вашего адъютанта, но, сир, еще более я поражен вашими дарованиями! Это было просто грандиозно!!!

– О чем вы? – поинтересовался я.

– Ну как же?! Какой великолепный спектакль вы устроили там, на галеоне. Знаете, когда я учился в Оксфорде, я частенько наблюдал, как балаганные лицедеи представляют люду древних королей. Но чтобы настоящий король так достоверно и убедительно сыграл какого-то безвестного офицеришку... – Мой собеседник восхищенно прищелкнул пальцами.

– Благодарю, – кивнул я, активизируя связь и вызывая Дюнуара. – Но только я уже имел честь сообщить вам, сэр, что я отнюдь не король Генрих Наваррский, а лишь его брат – Шарль.

Рейли лишь пожал плечами, пропуская мои официозные объяснения мимо ушей.

– Тогда, в лесу Анесени, в одиночку, со шпагой против строя, были вы?

– Я. – Согласный кивок вдохновил корсара на новые воспоминания.

– И на Реймской дороге тоже вы? И тогда, в марте, против Гиза?..

– И в Лувре, и в Реймсе, и против Гиза – все это действительно я. Ну и что с того?

– Должен сказать вам, как добрый подданный, вы были образцовым королем, сир!

– На все воля Божья! – прервал я. – В любом случае, когда б Господь судил мне тяжесть королевского венца, он бы распорядился по-другому.

– Как знать, как знать? – с сомнением покачал головой Рейли. – Лишь для глупцов, разумом своим малоотличимых от коров и свиней, идущих им в пищу, Всевышний ставит легкие задачи. Для тех же, кто воистину наделен умом и волей, у него приготовлены вопросы позаковыристее, но и поинтереснее!

– Быть может, – глубоко вдыхая наполненный йодом свежий морской воздух, согласился я. – Я не силен в теологии.

– Сделаю вид, что вам верю. Но зато вы прирожденный актер! И я бы очень просил вас, когда мы прибудем в Лондон, какое-то время вновь побыть тем, кого вы так гениально играли столь долгое время – вашим братом Генрихом.

Я вздохнул. Смысла объяснять этому отчаянному авантюристу обстоятельства, побудившие меня весь прошлый год носить чужое имя и титул, не было. Тем более что открывать ему всю правду и вовсе не с руки. Но, как говорится, карты на стол!

– Такие предложения не делаются из любви к искусству. Для них должна быть веская причина. Насколько мне известно, ни один драматург еще не сочинял пьес с участием Генриха Наваррского. Откровенность за откровенность – вы что же, Уолтер, намереваетесь поднять мятеж против вашей королевы?

– Я? Мятеж?!

Да славится чудесный и безмятежный свет Дианы,
Да славятся росы, которыми она увлажняет землю.
Да славятся ее лучи, эта слава ночи.
Да славится ее сила, которой исполнены все прочие силы,
Да славятся ее нимфы, которыми она украшает леса,
Да славятся ее рыцари, в которых живет истинная честь.

Кстати, я сочинил! По-моему, весьма недурно.

– Пожалуй. Но вы не ответили на вопрос.

– Мятеж против Елизаветы – полное безумие. Мой старый приятель – Генри Перси, граф Нортумберленд вместе с еще одним безумцем – графом Вестморлендом года три тому назад попробовали устроить нечто подобное. Поверьте – это было жалкое зрелище! Фарс, переросший в трагедию! Всю весну и лето их войско, именуемое Армией пяти ран Христовых, громило и грабило север страны. Когда же настала осень, промозглая погода разогнала весь этот вооруженный сброд под теплые крыши. Генри бежал в Шотландию, но был изловлен и возвращен прямо в руки огнекудрой Бэт. С тех пор его голова украшает Лондонский мост. Вестморленду повезло больше. Он до сих пор где-то скрывается. Однако все его владения уже перешли в казну. Большая утрата для рода Невиллов. Нет, монсеньор, мятеж – это безумие!

Я облегченно вздохнул. Что и говорить, мне десятки раз самому приходилось участвовать во всякого рода заговорах, некоторые организовывать и даже возглавлять, но отчего-то мысль о мятеже против великой королевы казалась нестерпимо отвратной. Но если Рейли не злоумышляет против ее особы, то дело приобретает совершенно иной оборот. Да и действительно, к чему, спрашивается, ему покушаться на государыню? Он возвращается победителем, и даже если королевская часть приза плюс компенсация расходов на снаряжение «Дерзновения» съедят половину добычи, Уолтер все равно останется одним из богатейших людей королевства. А богатством лучше всего пользоваться при спокойной, сильной власти.

Эти мысли роились в моей голове, наперебой спеша подтвердить логичность выводов. Похоже, пана Михала слова королевского корсара тоже убедили. Он удовлетворенно отключил связь, оставляя меня самого разбираться, зачем это я вдруг понадобился Уолтеру в роли короля

Генриха Наваррского. Должно быть, для какого-то розыгрыша. Впрочем, так это или нет, а изображать из себя наследника французского престола я более не собирался.

Должно быть, раззадоренный майским солнышком, Нептун отложил свой штормовой трезубец в сторону, чтобы всласть позабавиться с игривыми морскими девами. А потому славящийся своим паскудным нравом Бискайский залив отпустил оба тяжелогруженных корабля без какой-либо дани. Мы шли вперед, стараясь держаться подальше от коварного мыса Финистер с его смертоносным кладбищем кораблей. Суетливые чайки, возмущенно крича, кружили над мачтами, требуя подачки и, между делом, знаменуя близость берега. Но уже английского. Пару раз на горизонте виднелись мачты. Возможно, испанцы. Однако, завидев нас, незнакомцы спешили скрыться, не желая выяснять отношения, а корсар ее величества и пальцем не пошевелил, чтобы перехватить возможный приз. Как говорится, недосуг!

Оба корабля неспешно, но вполне уверенно шли в Лондон. Лишь только раз, когда по левому борту показались зеленые скалы Девоншира, Рейли велел стать на якорь и отправил к берегу баркас с одним из своих офицеров. Впрочем, в этой остановке не было ничего удивительного. Отчего, спрашивается, коренному девонширцу Рейли не передать весточку родне, ну и десяток-другой трофейных слитков в качестве подарка на добрую память. Правда, как мне показалось, слитков серебра на берег было перевезено значительно больше, чем два десятка, но семьи у девонширцев многочисленные, а я не налоговый инспектор. Так или иначе, примерно через сутки баркас вернулся, и мы продолжили путешествие в том же неспешном темпе.

Лис изобретал все новые и новые блюда из картофеля. Адмирал Ортега брюзжал по поводу варварских обычаев англичан и как бы исподволь выпрашивал у месье д'Орбиньяка местонахождение той счастливой земли, где перец сыплется горстями и молочные реки выходят из кисельных берегов, чтобы обеспечить плодородие деревьев, увешанных золотыми сольдо. Однако с проторенной адмиралом стези мой друг то и дело сбивался на чудодейственные свойства волшебного напитка, именуемого «Лисовый напиток». По словам д'Орбиньяка, ста граммов этой необычайной жидкости было достаточно, чтобы поднять из гроба покойника, если он, конечно, согласится хлебнуть этой бурды. А уж тем паче отправить к праотцам человека вполне здорового.

– Да шо ты мне свой херес под нос тычешь? – в пылу спора переходил на крик Рейнар, размахивая руками и корча Ортеге страшные рожи. – На шо он годеи?! В ясную погоду палубу драить? И то вдали от берега, щоб мухи не слетались!

Воистину, суровый сын знойной Испании сполна хлебнул невзгод и измывательств английского плена. Между тем мы все ближе и ближе приближались к заветному Лондону. И каждый день неутомимый Лис радовал нас новым блюдом из «чудодейственных цветов Дианы».

Так было и тем утром, когда за витражным переплетом окна – язык не поворачивался назвать это иллюминатором – замаячили утопающие в зелени дома Шадуэлла, жмущиеся к самому берегу Темзы, точно толпа встречающих у пирса. В наши дни, когда границы Лондона сдвинулись аж за Вулидж, оставив далеко позади рубежи старого Лондонского графства, тяжело поверить, что все эти Шадуэлл, Розерхайзер и Уэппинг были дальними задворками столицы. Но сейчас все обстояло именно так, и даже защитный земляной вал, насыпанный лет через семьдесят вокруг сердца Британии, не включал Шадуэлл в черту города. И все же, признаться, я был весьма рад видеть эти знакомые с детства берега, вдохнуть родной туманный воздух и, наконец, увидеть на горизонте крепостные башни Лондонского моста. Я глядел во все глаза, радуясь отсутствию смога, ставшего в наши дни почти неотъемлемой частью лондонских пейзажей. Смотрел, как проплывает мимо Тауэр, пока еще окруженный широченными рвами, на месте которых четыреста лет спустя будут резвиться детишки, играя в мяч на зеленых лужайках.

– Добро пожаловать в Лондон, сир! – Рейли, войдя в мою каюту, отвесил шутливый поклон. – О, я вижу, вам понравился наш Тауэр! Ему без малого пятьсот лет, а он все строится. Посмотрите, вот этот, с четырьмя башнями, – Белый Тауэр. Его построил Гэндальф, епископ Рочестерский, в 1097 году, еще во времена Вильгельма Завоевателя.

– Вильгельм Завоеватель умер в 1087 году, – рассеянно поправил я. – Белую же башню построили во времена Вильгельма II Рыжего.

– Верно, – хмыкнул Уолтер. – Признаюсь честно, поражен вашими познаниями. Но впрочем, я пришел сюда не за тем. Мы швартуемся. Не откажите в любезности, ваше высочество, не выходите из этой каюты до той поры, пока я не пришлю за вами.

– Вы меня арестовываете? – Я резко вскочил с места, в один миг забывая о прелестях майского Лондона.

– Ну что вы, мессир! Просто я желал бы преподнести кое-какой сюрприз моей Белла Вирджиния, и было бы прискорбно испортить его вашим преждевременным появлением. Покорно прошу извинить за временные неудобства. Надеюсь, как мужчина вы меня понимаете.

– Признаться, нет, – удивился я, осознавая с грустью, что, невзирая на звучность моего эфемерного титула, у гостеприимного хозяина есть весьма широкие возможности, чтобы настоять на своем.

– Увы, сир... – развел руками корсар. – Вам, французам, никогда не понять нас, англичан. Я хмыкнул и, не вдаваясь в излишние объяснения, отвернулся.

– Ну, вот и славно, – с хорошо знакомой жесткой ноткой в голосе отчеканил Рейли. – Я не прощаюсь, мой принц.

Хлопнувшая дверь недвусмысленно свидетельствовала, что дальнейшие переговоры бессмысленны, а скрежет ключа в дверном замке не оставлял сомнений, что капитан «Дерзновения» тщательно взвесил каждое слово, прежде чем обращаться ко мне со столь нескромной просьбой.

Что ж, замки испанцы привозят из Фландрии. А там мастера свое дело знают отменно, шпилькой такой замок не откроешь. Да и нет здесь этой шпильки. Завалившись на покрытую периной кровать, я закрыл глаза, надеясь хоть в такой форме выразить протест против насилия над личностью. Дремота, навеянная мерной качкой, не заставила себя долго ждать. К жизни меня вернул бодрый голос Лиса на канале связи:

– *Але, Капитан! Хватай мешки, вокзал отходит!*

– *Что произошло?* – встрепенулся я, усиленно растирая виски, чтобы окончательно вернуть ясность разуму.

– *Пока ничего особенного, но мое пролетарское чутье подсказывает, шо мы таки приплыли.*

– *Это несомненно,* – подтвердил я.

– *Да я не в этом смысле,* – возмутился д'Орбиньяк моей непонятливости. – *Короче, даю прямое включение с камбуза, а ты уж сам кумекай ху из ху, а ху из кто-то другой.*

В эту секунду я увидел мир глазами своего напарника и услышал его ушами все происходящее на палубе в непосредственной близости от Лисовского наблюдательного пункта. Стоя у борта, Рейли беседовал с высоким, сурового вида мужчиной в темной одежде гугенота, с лицом благообразным, однако наполненным тем яростным внутренним огнем, который делает людей великими подвижниками или не менее великими мучениками за веру.

– ...сэр Френсис! – не столько раздраженно, сколько досадливо проговорил Рейли. – Я не скажу, что вознаграждение меня не интересует вовсе, но здесь я целиком полагаюсь на щедрость ее величества, и, если бы речь шла лишь об этом, разве стал бы я приглашать вас на корабль, да еще тайно и с такой поспешностью.

– Тогда что? – удивленно спросил человек в черном, именуемый сэром Френсисом.

– Милорд, дело тайное. Прошу вас это понять, – переходя на театральный шепот, начал сгущать туман корсар. – Вы ведь в прошлом году были послом в Париже?

– Да, это так, – кивнул незнакомец.

Стоп! Почему незнакомец? Посол в Париже в год Варфоломеевской ночи? Очень даже известная особа! Собственной персоной Френсис Уолсингам, секретарь королевы, ее доверенное лицо и начальник секретной службы. Вот так сюрприз!

– Я прошу вас, сэр, не привлекая чужого внимания, пройти вон к тому окну и поглядеть в него.

– Что вы мне собираетесь показать, сэр Уолтер? – насторожился королевский поверенный.

– Вы все увидите сами, – чистосердечно пообещал Рейли, клятвенно воздевая вверх руку. – Обещаю, это не опасно.

Уолсингам исчез из Лисовского поля зрения, и спустя несколько секунд его лицо мелькнуло по ту сторону окна на галерее, опоясывающей корму. Обратный путь занял у личного секретаря ее величества примерно вдвое меньше времени, чем дорога к окнам моей опочивальни.

– Наваррец?! – выпалил сэр Френсис, не в силах, должно быть, подыскать слова, чтобы выразить свое безмерное удивление.

Рейли развел руками и молча поклонился.

– Но что он здесь делает?

– Это тайна, милорд. Тайна даже для меня. – Уолтер вздохнул. – Как вы, должно быть, помните, мы с этим неистовым гасконцем боевые товарищи. Но его секреты – это его секреты. Могу сказать лишь одно: ему необходимо видеть нашу добрую королеву.

– Но, будучи государем Наварры, он не может ступить на землю Британии без личного приглашения ее величества!

– В том-то все и дело, сэр Френсис! В том-то все и дело! Однако согласитесь: чтобы сюзерен Наварры, а теперь, возможно, еще и Франции, проделал столь опасный путь, дабы оказаться здесь, должен быть весьма достойный повод!

– Вероятно, сэр Уолтер, – задумчиво кивнул Уолсингам. – Я сообщу ее величеству об этом... хм... госте.

Глава 3

– Доктор, у меня есть надежда?

– Надежда – есть, а шансов нет.

Гиппократ. «Мемуары»

Вот тут я себя почувствовал червяком, ловкой рукой насаженным на блестящий зазубренный крючок. Червяком, на которого, открыв рот, должна клюнуть глупая золотая рыбка.

– Лис, мы в западне! – взорвался я на канале связи. – Рейли пытается заманить королеву на «Дерзновение»!

– Да ты шо?! Какой гадкий мальчуган! Вы ж только подумайте! Я ему тут готовлю вареники с картошкой, а он королев к себе, понимаешь, заманивает! Капитан, я все, конечно, понимаю – у тебя, как у верноподданного, сердце бдит начеку. Щас ты мне опять начнешь петь о спасении Отечества, о судьбе королевской династии. Ну, типа, как тогда, когда мы щемились по всей Англии, решая мерлиновский ребус. Но вот что я тебе авторитетно скажу до того, как в твою голову придет идея возглавить местную контрреволюцию: английскую королеву нам не заказывали. Ты только не обижайся, но это фактический факт. Здесь все идет своим чередом. Идея прихватить на гачок ее величество у Рейли возникла глубоко самостоятельно. Ни ты, ни я ничего такого ему не советовали. Шо он с ней намерен делать – хрен его знает. Может, он вааще – схватит ее в охапку, поднимет паруса и уплывет в далекий Сингапур, где будет жить со своей Дианой долго и счастливо и помрет от любовного истощения и хронического недоедания. Это глубоко местное английское дело. Если тебя так обуяла жажда подвигов во имя Отчизны – свяжись с Дюнуаром. У него тут есть агентура, пусть морочит себе голову. Ты у нас блудный рыцарь печального образа действия, но, как говорится, «нэ тратытэ, кумэ, сылы – йдуть на дно»! Наша задача – по-тихому свалить с этой импровизированной «Авроры», найти людей пана Михала и вернуться в Институт, где нас ждют не дождутся еще с прошлого года.

– Если бы Рейли не встретил нас в море, ему бы не пришла в голову мысль заманить королеву в ловушку. К тому же вряд ли он смог бы захватить эскадру Ортеги. Да и роль наживки играть, мягко говоря, унижительно.

– Браво, сир, браво! Какое тонкое наблюдение! Но, к слову сказать, ежели б Институт, уж не знаю, на чью голову, не прислал нас вытаскивать из осажденного Лувра твоего любвеобильного двойника, у Рейли и подавно не было бы никаких шансов с тобой познакомиться. Так шо все претензии к начальству. Просчитывать возможные последствия славных поскакушек господ оперативников – задача отдела разработки. А наш тяжкий крест уже донесен до того места, куда его следует воткнуть. Не пойми меня правильно, но я предпочитаю воткнуть крест, чем втыкать самому. Так шо ежели ты окажешь мне любезность и слегонца поломаешь троих мучачос с алебардами, которые трутся у дверей камбуза, то мы можем сдернуть отсюда, не дожидаясь приезда огнекудрой Бэт. Слушай, а шо – ее здесь действительно так называют?

– Называют, – подтвердил я.

– Молчи, грусть, молчи! Звучит примерно как погонялово какой-нибудь певички на Диком Западе. Ну шо, Капитан? Я тебя жду.

– Ничего не выйдет, – вздохнул я.

– Это еще почему? – насторожился д'Орбиньяк.

– Я заперт. Ключ у Рейли. На окнах решетки. На галерее стража.

– Т-так! – В голосе Лиса послышалось нескрываемое раздражение. – Та-ак! – вновь повторил он, сопровождая последнее высказывание долгой ветвистой тирадой, касавшейся

некоторых особенностей происхождения Рейли и близкородственных связей Лиса и Уолтера. Вернее, Лиса и матери королевского корсара. – *Ну, это он сам виноват. Так бы мы по-тихому слиняли – и вся любовь. На крайняк бы предупредили твою монархиню, чтоб она сюда не ездочилась. Выдача королей закрыта на переучет. Сам нарвался! Ладно, отбой связи. Сейчас пойду страже голову морочить.*

В словах Лиса была доля истины. Что бы ни задумал хитроумный Рейли – к нашему заданию это не имело отношения. Во всяком случае, на данный момент. Однако подслеповатые мойры,¹² сплетающие нити судеб в тугие узлы, не интересуются мнением институтского начальства о качестве своей работы. В любом случае отсюда пора было выбираться. Это королю Генриху Наваррскому не подобало ступать на чужую землю, а нам так в самый раз!

Я еще раз оглядел каюту. Дверь заперта. Оконный переплет отменно крепок – не вышибешь. Стены, пол, потолок, конечно, деревянные, но ковырять можно до второго пришествия. Дуб все-таки. Да и чем ковырять?! Предусмотрительный Рейли «по-дружески» принял на хранение все наше оружие. Как-то утром проснулись мы, а шпаг и пистолей нет. Очень, знаете ли, расторопный малый! Ну что ж, раз выйти тихо, не привлекая чужого внимания, шансов нет – значит, необходимо его привлечь и выйти громко. В конце концов, оружие стража одолжит без лишних споров.

– Пожар!!! – Я отчаянно забарабанил кулаками в запертую дверь. – Горим!!!

Этот грохот наверняка разносился по кораблю не менее гулко, чем звук рынды, отбивающей склянки.¹³

– Пожар!!! – вопил я, точно пламя уже лизало пятки августейшего пленника.

Ситуация складывалась нелепая. За то время, пока я, надрывая глотку, сотрясал воздух, среднестатистический корабль должен был бы заняться пламенем от кормовых фонарей до кончика бушприта. Однако ничего подобного не происходило. Даже унылая струйка дыма не тянулась из-под двери моей каюты. В изнеможении я уселся на прибитый к полу табурет и тут же услышал тихий стук в окно.

– Сир! – раздалось с галереи. – У вас нет никакого пожара! Это вам показалось.

– Какого черта, Уолтер! – взорвался я, с силой опуская кулаки на столешницу. – Немедля откройте дверь!

– Непременно, ваше высочество! Но будьте так любезны, сядьте на ложе и не вставайте. Я видел вас в бою, а потому мне бы крайне не хотелось вкатить вам пулю в лоб при движении, которое я по недоразумению мог бы воспринять как попытку атаки. Надеюсь, вы поняли, о чем я говорю?

– Проклятье! – процедил я, принужденный выполнить требования наглого шантажиста, и спустя минуту в замке вновь заскрежетал ключ.

– Я очень рад, мессир, – с деланным благоговением склонил голову Рейли, – что нам так легко удалось найти общий язык.

Он вошел в каюту, держа перед собой пару пистолей со взведенными курками.

– Надеюсь, и впредь мы сможем понимать друг друга. Если вы желаете назвать меня мерзавцем или, скажем, подлым изменником, то я, пожалуй, не приму эти громкие титулы. А потому давайте сразу к делу. Строго говоря, вы мне больше не нужны. Королева обязательно придет сюда. Мне ли не знать, как она любопытна! Но, увы, отпустить вас я не могу. Думаю, нет нужды объяснять почему. Проще всего было бы покончить с вами раз и навсегда, и судя по тому, что вы рассказывали о своем дорогом братце, он не станет долго разыскивать меня, чтобы покарать за это ужасное преступление. Но, клянусь честью, если вы сами не вынудите меня на столь противный доброму христианину шаг, то я обещаю сохранить вам жизнь.

¹² Мойры – богини судьбы.

¹³ Во флоте время измеряется ударами сигнального колокола рынды. Отдавать получасовой сигнал – бить склянки.

– Почему? – хмуро осведомился я, не спуская глаз с хвастливого авантюриста.

– Уж конечно, не из священного трепета перед королевской кровью, – усмехнулся Рейли. – Но жизнь – театр. И если уж в этом акте мне выпала роль злодея, то как не позаботиться о зрителе, способном по достоинству оценить мою игру.

Я с усмешкой глядел в глаза юному смутьяну. Мне отчего-то вспомнилось, что сравнение жизни с театральными подмостками, судьбы с режиссером, а людей с актерами, играющими роли, у нас приписывается Шекспиру. Впрочем, и пьесы Шекспира некоторые умники числят за Рейли.

Пауза затягивалась, и Уолтер, вынужденный, должно быть, вопреки желанию, прервать ее, недовольно дернул усом.

– Отчего же вы не поинтересуетесь, сир, почему я не считаю себя предателем? – в упор спросил он, продолжая состязаться со мной в тяжести взора.

– Потому что именно таковым я вас и почитаю, – лениво пожал плечами я.

– К черту, к дьяволу! – Рейли закинул ногу на ногу и начал нервно покачивать носком сапога. – Я не более предатель, чем, скажем, вы со своей чехардой вокруг Анжуйца. Олень, преследуемый охотниками, имеет божеское право повернуться и поднять на рога любого из своих преследователей, будь то пес или человек, так и я вправе защищать свою жизнь и честь, как сочту наиболее удобным. И точно так, как олень не проливает слезы над бездыханным телом сраженного охотника, так и я презираю суд людской.

– И все же пытаетесь оправдаться, – не убирая улыбку с лица, медленно произнес я. – Все-таки чувствуете за собой вину!

– Ничуть, – резко бросил Рейли. – Я лишь пытаюсь объяснить... – Он поморщился. – Да будет вам известно, что за последние годы различные моровые поветрия неоднократно косили народ Британии. Скрип мертвяцких телег по ночам напоминал поступь самой смерти. И все эти годы люди шептали и шепчут одно: «Пока у власти будут стоять Тюдоры – Божий гнев будет косить британцев. Этот род проклят!»

– А вы, значит, взяли на себя «высокое предназначение» пресечь царствующий род. Или же просто решили свести счеты с женщиной, которая вас бросила?

– Проклятье! – Тонкие кончики усов корсара нервно дернулись. Еще мгновение – и он счел бы спектакль законченным, а неблагодарного зрителя за ненадобностью выпроводил к праотцам. Но пистолеты в руках Уолтера не шелохнулись, и, вновь совладав с перехлестывающими через край чувствами, он продолжил, недобро усмехаясь: – Этой женщине нужны рабы, а не любовники. Ей доставляет несказанное удовольствие мучить незадачливого «счастливец», угодившего в ее сети. Она будет то подпускать вас поближе, то отталкивать, то убегать, то набрасываться, точно волчица, чтобы разодрать в клочья рубашку и вновь оттолкнуть, как опостылевшую игрушку. Я слишком мужчина, чтобы годиться ей в аманты,¹⁴ сир. И, признаться, рад был избавиться от такой доуки...

– А она в свою очередь решила избавиться от вас?

Рейли отмахнулся:

– Быть может, люди Уолсингама действовали по собственному почину. Но они перерыли в моем особняке все так, что и не всякий грабитель позволил бы себе подобное непотребство.

– И что же? – задал я резонный вопрос.

– Что?! – недобро скривился Рейли. – Эти собачьи ублюдки отыскивали мою переписку с Генри Перси. Несчастливым графом Нортумберлендом. Я уже говорил – он был моим другом. Мы познакомились в Оксфорде, когда мне было шестнадцать. И с той поры переписывались. Сознаюсь, наши письма не были образцом скромности. Но зато в них был отменный слог и рифма. И главное – в них самому Господу не удалось бы отыскать никакого тайного кода, как

¹⁴ Амант – любовник.

это утверждал Уолсингам. Да и к чему нам все эти тайны?! Когда Генри сеял панику в шотландском приграничье, я дрался с испанцами у Стокема и Шарлемона. Еще в апреле прошлого года я брал на копье Бриль, а потом тащился от Монса навстречу вам, сир. Но нет! Я был признан тайным заговорщиком, подосланным не то испанцами, не то самим казненным Перси, чтобы умертвить королеву, дьяволово копыто ей в глотку!

– Значит, все-таки месть, – скрестив руки на груди, подытожил я.

– Ну что вы, монсеньор. Я как добрый подданный всего лишь оправдываю возложенные на меня ее величеством и сэром Френсисом ожидания. И то, – он вздохнул, – не до конца. Разве я придумал назваться мятежником?! Разве я бросил себя в Тауэр?! Отнюдь! Это придумали те, кого мы нынче ждем в гости. Их судьба предначертана свыше. Любой честный англичанин скажет вам – этот род проклят! Он, точно злобный скорпион, несет в себе начало собственного умерщвления.

Снаружи слышался гулкий звук труб, пронзительные крики скороходов и цокот множества копыт по брусчатке, которой был выложен причал.

– Прошу простить, ваше высочество, – Рейли вновь шутивно поклонился, – я вынужден откланяться. Вот она – моя неуловимая Диана Вирджиния, моя огнекудрая Бэт! Я покидаю вас, сир. Сами понимаете, нехорошо заставлять женщину, а уж тем более королеву, ждать. Она может усомниться в искренности моих намерений, что с такой-то стражей небезопасно для нас. А, как утверждает Вегеций: «Хорошие вожди вступают в открытый бой только при благоприятных обстоятельствах или крайней необходимости».

Сходни, брошенные с борта «Дерзновения», были покрыты тем самым ковром, который еще совсем недавно устилал трап адмиральского галеона. Кое-где, если присмотреться, на нем можно было видеть следы запекшейся крови – память о короткой, но беспощадной схватке на борту «Сан-Антонио». Но с одной стороны, ее величество вовсе не горела желанием пристально разглядывать то, по чему ступали ее ноги, а с другой – на борту «Дерзновения» было множество предметов куда более достойных внимания, чем этот ковер с его запекшейся кровью.

Я воочию мог наблюдать восшествие королевы Британии на пестро изукрашенный к визиту государыни корабль. Рейли не стал запираť двери. Он лишь оставил в почетном карауле четверых испанских алебардиров, предварительно сообщив, что под их охраной находится сам Генрих Наваррский. Когда б существовало в палате мер и весов место для разнообразных взглядов, то эталоном плотоядного взора вполне могли служить те, которыми одаривали меня неусыпные стражи.

Неспешно ступая, королева шествовала по сходням на борт удачливого капера. Невысокая, худощавая, отличавшаяся природной легкостью и грациозностью движений, она казалась ожившей статуей, механической куклой в своем невероятном платье из серебряной парчи и алого бархата с высоченным стоячим кружевным воротником, точно подожженным ярко-рыжими локонами. Расшитый жемчужными нитями тортильон¹⁵ поверх ее волос казался драгоценной сетью, улавливающей живое пламя. Вышагивающий впереди Елизаветы Уолсингам галантно придерживал кончики пальцев ее величества, дабы, не дай бог, не позволить ей оступиться. Оба корабля, пришвартованные как раз напротив Тауэра, снова и снова оглашались нестройными воплями «Виват», и королева, милостиво кивая, поощряла верноподданнический порыв разряженного по случаю праздника морского сброда.

Хитрец Рейли, напустив на себя вид смиренного благоговения, преклонив колено, держал в руках обтянутую лазурным шелком подушку. Небольшую, квадратную, с золотыми кистями и бахромой. На ней красовался переливающийся всеми цветами радуги жреческий венец – тот самый, который он все эти дни гордо носил в ознаменование блестящей победы.

¹⁵ Тортильон – женский головной убор в виде перевитого драгоценной нитью венчика с сеткой, покрывающей прическу.

– Как верный пес, отосланный рукой хозяина, чтобы принести из воды пронзенную стрелой дичь, так и я спешу припасть к вашим стопам, дабы преподнести сей ничтожный дар, сию корону, венчавшую верховных правителей Вест-Индии. И хотя блеск камней, покрывающий сию языческую корону, способен лишить рассудка всякого в тех заморских землях – он ничто, блеск от стеклянного осколка близ совершенного бриллианта, перед красотой и великолепием моей королевы.

Я горько усмехнулся. Увы, что поделаешь, Елизавета была тщеславна. До дрожи, болезненно тщеславна. Должно быть, детство и юность, проведенные в жестком, холодном отлучении от двора, годы, проведенные в ссылке, почти что в заточении, наложили на ее характер неизгладимый отпечаток. Будучи хорошенькой лет в четырнадцать, она довольно долго слыла красавицей, впрочем, не совсем заслуженно. На ее беду, оспе нет дела до королевского величия, и, невзирая на все усилия лекарей, следы ужасной болезни все же виднелись на щеках королевы. Сейчас ей было сорок или что-то около того. Девичья прелесть ее уже весьма поистерлась, и нынешняя красота была нарисована на лице румянами, белилами и сурьмой, превращавшими лик августейшей «девственницы» в безжизненную маску. Но горе тому, кто бы не преисполнился восторга и не пленился неземным сиянием, исходящим от ее величества Елизаветы I, хранительницы веры, королевы Англии, Ирландии и Уэльса и прочая, прочая, прочая. Рейли был не из таковых. Заслужив благосклонный кивок и улыбку государыни, сменившей тортильон на лучезарную диадему, он, казалось, просиял так, что затмил на мгновение собственный подарок.

– Мой дорогой брат Эндрю здесь? – негромко произнесла королева, и я скорее прочитал по ее губам, чем услышал, этот вопрос.

– О да, ваше величество! – куда громче ответил Уолтер, вновь склоняясь в поклоне. – Он приносит свои нижайшие извинения, что не явился сюда лично, дабы выразить глубочайшее почтение к своей венценосной сестре. Но особая щекотливость его положения...

Корсар умолк и выразительно покосился на дюжих телохранителей королевы, сопровождавших государыню на борт корабля. Их было всего пятеро. Остальные продолжали стоять на берегу. И хотя десяткам головорезов абордажной команды вряд ли составило бы труд покончить с построившимися за спиной Елизаветы стражами, поднимать шум раньше времени не входило в планы сладкоголосого пирата.

Конечно, ему в этом можно было бы помешать, выскочив на палубу с криками «Измена! Западня!» или что-нибудь в этом роде. Возможно, такая проделка поломала бы коварные замыслы Рейли, но на моих собственных планах такое поведение неминуемо поставило бы точку. Даже не точку – крест. Почти тот самый, о котором не так давно говорил д'Орбиньяк. И не столько на планах, сколько на мне самом. А потому оставалось лишь выждать, переговариваясь на канале закрытой связи с Лисом и транслируя все происходящее в Париж пану Михалу.

Верно оценив намек недавнего фаворита, Елизавета небрежным жестом велела охране покинуть корабль и ждать ее возвращения на берегу. Та повиновалась с четкостью настроенного механизма, отгромыхав сапожищами по сходням, едва что не чеканя шаг. А продолжающий рассыпаться в любезностях корсар, почтительно указывая дорогу властительной госпоже, повел ее к месту заточения «августейшего брата». Таким же вот образом ловит бессмысленных мошек хищный цветок росянка, любезно раскрывая наивной жертве свои прелестные лепестки и маня ее благоухающей капелькой сладкого липкого нектара. Один лишь миг – ловушка захлопнется, и никто больше не увидит несчастную букашку, позарившуюся на дармовое угощение. И не вспомнит никто.

Стража у входа в мою каюту единым движением салютовала королеве, вскидывая на плечо древки алебард и с грохотом опуская их на палубу. Слаженность действий безмолвных испанцев снискала очередной благосклонный кивок королевы, и спустя мгновение она шагнула в предупредительно распахнутую Уолтером дверь, наконец-то переступая порог любезно

расставленной им западни. Горько поджав губы от собственного бессилия, я поклонился, приветствуя Елизавету.

– Мой дорогой брат! – голосом звонким и, пожалуй, чересчур юным для ее возраста начала королева, шуря глаза, привыкая к царившему в моих апартаментах полумраку. – Признаться, я удивлена! Никак не ожидала увидеть вас здесь. Что же привело в мои владения повелителя Наварры?

Я выпрямился во весь рост, невольно сознавая, что участвую в сцене трагической, одной из тех, которые с таким талантом порождает гений Шекспира. Впрочем, пока еще совсем мальчишки.

– Ваше величество! Прошу вас, не величайте меня ни чужим именем, ни чужим титулом. Я не Генрих Наваррский. Увы, такова моя злосчастная судьба. Я – его брат Шарль, герцог де Бомон.

– Шарль?! – Французский моей собеседницы был великолепен, но на этом вопросе у нее перехватило дыхание, и дальше она продолжила уже по-английски: – У Генриха есть... О, крестная сила! Какого черта, Уолтер? – Королева попыталась стремительно развернуться, но платье, с трудом прошедшее в дверь каюты, не позволяло совершить ей этот маневр так быстро, как она желала. Рейли был куда проворней! Короткий шаг – и вот одна его рука выхватывает шпагу из ножен Уолсингама, а другая вырывает из прорезного рукава золоченой ливреи уже знакомый мне пистоль.

– Елизавета Тюдор, маркиза Дорсет! Вы низложены! – рявкнул Рейли, радуясь случаю произнести в глаза обидчице давно выношенные слова. – Вопреки божеской воле и людским обычаям вы преступно занимали священный трон Британии. Часы вашей тирании остановлены!

– *Слазь с бочки, Сильвер! Ты больше не капитан!* – немедленно поспешил добавить к исторической тираде недолюбливающий пафосные сцены Лис. – *Ну шо, Капитан, занавес?! Касса переполнена – публика в экстазе! Этот умник таки нас не обманул. Никаких мятежей, что вы, что вы! Все чинно, благородно! Маленький государственный переворотец. Оч-чень маленький и очень государственный.*

– *Это верно, шановнэ панство,* – вздохнул донельзя огорченный нашим просчетом Мишель Дюнуар. – *Впрочем, пся крев, точку ставить еще рано. М-да! Посмотрим, что он намерен делать со всем, что наворотил, дальше. Пока же – никаких активных действий!*

– *А если он, скажем, решит нас малехо в расход пустить?* – встревоженно поинтересовался д'Орбиньяк, не слишком любивший приказы начальства, связывающие его творческую инициативу. – *Нам ему глазки прикажете стропить?*

– *Пан Сергей! Во всей Европе, кроме вас, никто не умеет готовить блюда из картофеля, и, судя по тому, что мы знаем о Рейли, сей знаменательный факт будет вам крепкой броней. Вальдар для него тоже весьма ценен, но это долгая история.*

Все то время, пока наш потайной триумвират оживленно переговаривался на канале закрытой связи, Елизавета Тюдор, белая как снег, затаив дыхание, глядела на торжествующего корсара. Ворвавшиеся по его знаку испанские наемники немилосердно приперли нас с Уолсингамом к стене каюты, чтобы не дать ни малейшей возможности вмешаться в ход событий. Я чувствовал, как алебарда одного из них, должно быть, уроженца Пиренеев, прорвав колет, впивается мне в плечо – почти случайно, но весьма ощутимо. Королева по-прежнему хранила молчание. Отвага никогда не составляла первейшего из ее достоинств, но все же отсутствие воинской храбрости она вполне компенсировала тюдоровским упорством и несгибаемым чувством собственной правоты.

– Я намерен сохранить вам жизнь, сударыня, – не дождавшись слез и причитаний, несколько обескураженно промолвил Рейли. – Если вы будете повиноваться, то вам ничего

не будет угрожать вплоть до приговора суда, который один лишь вправе решить вашу участь. Пока же извольте отдать приказ констеблю Тауэра сложить оружие и открыть ворота.

– Ни-ко-гда! – медленно и очень четко проговорила беспомощная королева и повторила еще раз. – Ни-ко-гда!

Глава 4

Законное правительство то, у которого превосходство в артиллерии.
Карел Чапек

Когда бы вдруг нелегкая занесла на борт «Дерзновения» кого-нибудь из мастеров современного психологического портрета, он бы обомлел, завидев столь восхитительные типажи, собранные в таком малом помещении. Бледное лицо Елизаветы Тюдор, выражающее непреклонную решимость, свойственную, должно быть, ее свободолюбивым валлийским предкам, задавленная ярость Уолсингама, моя отрешенность, хищное злорадство испанцев, одним разом пленивших и королеву Британии, и короля Наварры, и глумливая почтительность Рейли, гордого совершенством вероломного плана.

– Ни-ко-гда! – повторил он вслед за королевой. – Сколько мощи! Сколько порыва! Прекрасно! Браво, Бэт! Браво! Диана и без стрел остается храброй охотницей! Но «никогда» – это слишком долго. С вашего позволения, – Рейли изобразил почтительный поклон, – я несколько ускорю события. Сэр Френсис, малая королевская печать у вас с собой?

– Нет! – не разжимая зубов, процедил личный секретарь ее величества.

– К чему эти игры, милорд? – Рейли покачал головой. – Дьявол вас раздери, я хорошо знаю двор, и мне известно, что вы обязаны всегда носить ее с собой.

– На указе о капитуляции Тауэра должна стоять большая королевская печать, – надменно усмехаясь, промолвила Елизавета. – А также печати обеих палат парламента.

– О да! И это мне ведомо! – согласился дерзкий мятежник. – Но для того, чтобы взять под стражу испанского адмирала, вполне можно обойтись и малой печатью. Извольте достать ее, господин секретарь! Вы же не хотите, чтобы испанские псы раздели вас донага, ища, куда вы припрятали эту прелестную штучку. Вы же видите, я не шучу. Так что поспешите. Вам надлежит составить распоряжение, повелевающее содержать дону Эстебана и все такое Ортега графа де Корвовеккьо, адмирала испанского флота, а также его офицеров в Кровавой башне Тауэра. Впрочем, мне больше нравится ее прежнее название – Садовая. Но быть может, ваше величество желает поселить сих достойных людей в Домике Королевы? Хотя о чем это я? Безусловно, вам он подобает более, чем им.

Лицо Елизаветы передернулось. Как и Кровавая башня, Домик Королевы имел прежнее название. Когда-то его величали Домиком Лейтенанта и в нем обитал помощник констебля Тауэра. И продолжалось так довольно долго, покуда вышеозначенному офицеру не пришлось уступить свои покои несчастной Анне Болейн, королеве Англии, по утверждению покорных государю судей, изменнице короны и ведьме, околдовавшей Генриха VIII, Анне Болейн – матери нынешней королевы Елизаветы.

Натешившись достигнутым эффектом, Рейли вновь повернулся к Уолсингаму:

– Милорд, поспешите отыскать печать! После того, что ищейки учинили в моем доме, я горю желанием помочь вам в поисках. О! Вот она и сыскалась! А теперь садитесь за стол и пишите – я вам буду диктовать. И запомните, милорд, и вы, сударыня: если хоть в чем-то мой план сорвется – я подниму паруса и выйду в море. В суматохе, которая начнется после исчезновения государыни, ровным счетом никто не посмеет меня остановить. А далее от вас уж будет зависеть, быть ли высаженными в шлюпку где-нибудь посреди океана или же отвезенными в качестве пленников на Тортугу. То-то береговое братство обрадуется столь знатной гостье! – Он мечтательно улыбнулся и, мурлыча что-то себе под нос, шагнул к столу.

– У вас ничего не выйдет! – сдвинув брови, жестко отчеканила королева. – Я оценю вашу голову, я велю всем честным англичанам не повиноваться вам! Вас самого закуют в цепи и бросят за борт! Это мое королевское слово!

– Вот как?! – усмехнулся Рейли. – Как это у классика... «Багей подал писцу грамоту, в которой были слова: „Персы! Царь Дарий запрещает вам служить телохранителями Орета!“ А те, услышав это повеление, опустили свои копья перед Багеем. Багей же, увидев, что телохранители повинуются царскому приказу, ободрился и дал писцу последнюю грамоту, которая гласила: „Царь Дарий повелевает персам в Сардах умертвить Орета“. Как только телохранители услышали это повеление, они обнажили свои короткие мечи и убили сатрапа на месте». – Последние слова были произнесены с драматическим подвыванием и явной насмешкой. – Геродот, «История», книга третья, раздел сто двадцать восьмой. Попробуйте, ваше величество, попробуйте. Это ваш шанс.

Но следует помнить, что испанцев на обоих кораблях примерно столько же, сколько англичан. Да плюс к ним еще голландцы, португальцы, французы и прочий сброд. Лишенные моего покровительства, вы умрете куда раньше, чем полагаете. Пишите распоряжение, сэр! – резко меняя тон, скомандовал Уолтер. – А вы, моя прекрасная госпожа, потрудитесь собственноручно подписать его.

На шканцах «Дерзновения» были установлены кресла для того, чтобы позволить капитану и его вельможным гостям любоваться предстоящим зрелищем, не упуская малейших деталей.

Вокруг плотным полуколыцом выстроилась стража в сияющих кирасах, готовая разорвать любого, дерзнувшего отвлечь внимание драгоценных зрителей. На огромном чеканном блюде, с трудом удерживаемом двумя матросами, меж драгоценных кубков и оправленных в серебро бутылей с прохладительными нектарами из диковинных заморских плодов красовалась здоровенная глиняная миска, в которой среди поджаристых шкварок горою миниатюрных китов-альбиносов высилось произведение Лисовского кулинарного гения – «ле варэник с картоплэю». Но, вопреки ожидаемому, ни Елизавете, маркизе Дорсет, ни ее злополучному секретарю Френсису Уолсингаму, ни мне, ни даже Рейли не было дела до изысканного блюда. «Трюфели Дианы» сегодня рисковали безнадежно остыть, став по вкусу, как озабоченно бросил Лис, «шо ота подошва».

– Ну шо они медлят?! – тихо сокрушался д’Орбиньяк. – Все ж стынет!

А между тем на тщательно выбранной вероломным режиссером сцене театра военных действий разворачивался третий акт трагедии, еще не обретшей названия, но уже вполне достойной благожелательных отзывов критики. В начале представления эскорт ее величества, увидав свою повелительницу, как ни в чем не бывало занимающую место в зрительном зале, приветствовал государыню, радостно воздевая к небесам длинные острые пики.

– Какие доблестные воины! – помогая королеве сесть, восхитился Рейли. – А вон тот, в черном доспехе с золотыми арабесками – это, несомненно, Роберт Дадли, граф Лестер?! Ну конечно же, это он! Кто еще смог бы так ловко и беззаботно гарцевать перед эскортом ее величества! Как жаль, сударыня, что вы не пригласили его сиятельство на мой корабль. – Он сделал ударение на слове «мой», то ли напоминая Елизавете о ее незавидном положении, то ли давая понять, что прекрасно осознает, чьим наветом он обязан нынешнему своему положению мятежного корсара.

Пожалуй, ни для кого в Британии, от обрывистых скал Корнуэлла до отрогов Чевииотских гор, не было секретом, что обершталмейстер ее величества Роберт Дадли был, вероятно, первым, но уж точно постоянным любовником королевы-«девственницы». Довольно долго придворные и простолюдины шептались о том, что со дня на день Дадли может стать мужем огнекудрой Бэт и королем Англии. Но королем Роберт не стал. Уж больно его пылкая возлюбленная

дорожила привольным статусом незамужней девицы. Но стоило теперь королеве хотя бы и в шутку приблизить к себе кого-либо из придворных кавалеров – и тот уже мог, не сомневаясь, числить графа Лестера среди своих заклятых врагов. А уж если кавалер оказывался не только хорош собой, а также умен и ловок, ненависть Дадли не знала границ. Как, скажем, к Рейли.

По иронии судьбы именно он представил молодого авантюриста ко двору в надежде потешить госпожу рассказами о боях с испанцами во Фландрии и коронации Генриха Анжуйского в Реймсе. И он же, заметив благосклонность ветреной Дианы к обаятельному смельчаку, сделал все возможное, чтобы стереть того с лица земли.

Между тем колонна военнопленных, окруженная многочисленным английским конвоем, обвешанным оружием с ног до головы, беспрепятственно обойдя барбакан, с красующейся на нем батареей, вошла во Врата Изменников и скрылась из виду. Я не мог знать наверняка планов дерзкого заговорщика, но богатый опыт участия в захватах крепостей позволял предположить, что по какой-либо надуманной причине часть конвоиров останется у ворот. Во-первых, чтобы удержать их после начала боя, а во-вторых, по странному замыслу фортификатора, возводившего эти стены, именно в Башне Предателей, через которую еще во времена короля Эдуарда I попадали в Тауэр его будущие узники, находился механизм, снабжавший водой всю крепость. Такой сладкий кус Рейли уж точно мимо рта пронести не мог.

Я смотрел, как скрывается за воротами хвост колонны, и с тоской вспоминал виденные в ранней юности боевики с лихими парнями, которым ничего не стоило в три движения разметать вооруженную толпу, а четвертым финальным рывком восстановить попорченную справедливость и возвратить ее на законное место.

– *Пришла пора кудрям валяться!* – недобро хмыкнул Лис, услышав на канале связи мои сетования. – *Не суетись под клиентом, Капитан! И на нашей улице грузовик с конфетами перевернется. Сдастся мне, наш корефан не по глотке ломоть кусает. Оно как бы в сортир не опоздать!*

Речь моего друга была несколько сумбурна, но суть происходящего была схвачена верно. Невзирая ни на что, сейчас нам следовало выжидать. Как говаривал великий мастер Ю-Сен-Чу, провожая мимо себя удары учеников: «Умеющий противопоставить силу силе может победить, а может быть побежденным. Но тот, кто способен направить силу противника в никуда, – непобедим!» Прикрыв глаза, я представлял себе маршрут каперского десанта, без малейших затруднений минующего готовые к яростному штурму или многомесячной осаде крепостные стены. Вот, пройдя мимо Архивной башни, машкарадные узники подходят к башне Мартина. Вот, едва задержавшись в воротах, отделяющих внешний периметр куртин от внутреннего, приближаются к башне Байворда. Оттуда уже свободный доступ в крепостной двор. Лишь только Белый Тауэр, грозно возвышающийся над всей округой, способен удержать мятежников. Надолго ли? Артиллерии в нем нет, большая часть гарнизона расположена на внешних укреплениях. Даже если изрядная часть Королевских Йоменов сумеет добраться до цитадели, можно держать пари, что для этого случая у Рейли заготовлена какая-нибудь очередная каверза. Не зря же утром он разливался соловьем, расписывая историю лондонской твердыни.

Тоскливо-обиженно взвыл сигнальный рожок на сдвоенной, точно бинокль, башне Байворда. Взвыл и осекся, должно быть, выпав из мертвых рук. А вслед за этим тревожным звуком, поднимаясь над стенами, полетел над городом яростный вопль атаки, звон оружия и гул тревожного колокола.

– Вот и началось, – поднимаясь с места, вздохнул Рейли. – Вот и прекрасно. Как говорится, Господь не оставит правых.

Встревоженные шумом боя, доносящимся со стороны Тауэра, всадники королевского эскорта начали приподниматься в стременах, точно надеясь увидеть через стену происходящее в крепости. «Неужто испанцы осмелились напасть на стражу? – вероятно, роилось в их головах. – Что за нелепость?!»

Я был уверен, что все тридцать рыцарей почетной стражи ее величества были отчаянными рубаками и, несомненно, желали оказаться в эту минуту там, где кипела сеча. Но оставить без защиты королеву?! О нет, никак невозможно! Между тем бой в Тауэре продолжался, и выстроенные у сходней всадники начинали заметно нервничать.

– Ко мне, Дадли! – Властный крик августейшей пленницы на долю секунды заглушил все иные звуки, висевшие над причалом. – Измена!

От неожиданности я невольно с силой втянул воздух, готовясь к краткой и, вероятно, последней схватке с конвоем, замершем позади нас. Но нет. Лишь только Рейли, не спуская язвительной улыбки с губ, неспешно захлопал в ладоши, демонстрируя свое восхищение. Вот первый всадник, повинувшись королевскому приказу и зову чести, оказался на деревянных мостках, связывающих корабль с причалом, флажок на его склоненной пике трепетал в предвкушении боя...

– А-я-яй! – задумчиво кладя руку на эфес шпаги, вздохнул Уолтер. – А я-то надеялся – это будет Лестер. Ничего не попишешь.

Раз! Сходни, сброшенные парой матросов, притаившихся у фальшборта за гирляндами несравненной Дианы, рухнули в воду, поднимая фонтан брызг и накрывая, точно могильной плитой, закованного в доспехи всадника.

Два! Жерла орудий «Дерзновения» и «Боевой ярости» выставили наружу свои тупые рыла, подобно бюргерам, спешащим поглазеть на проносящийся мимо их окон королевский кортеж. Тридцать пушек на двадцать девять всадников. Мне не было слышно, что скомандовал Роберт Дадли, но, развернувшись пред черными безжизненными зрачками фальконетов и кулеврин, отряд прищипорил скакунов, спеша покинуть поле боя.

– О, чертовы рога! Какая досада! – Рейли с силой ухватил левый ус, точно намереваясь напроочь выдернуть его. – Я только собирался предложить ему капитулировать! – Уолтер, точно извиняясь, оглянулся на Елизавету. Та сидела, широко открыв затянутые непролитой слезой голубые глаза, закусив губу. Тонкая красная струйка стекала по ее подбородку и капля за каплей падала на серебряную парчу.

– Ну что вы, сударыня! – сокрушенно развел руками корсар. – Не стоит так убиваться! Ваш Дадли не трус. Нет-нет, он – опытный военачальник. Он всего лишь разумно оценил поле боя и, решив, что победа невозможна, спас от гибели своих людей. Но, поверьте, у него и в мыслях не было бросать вас в лапах коварных мятежников. Он желает собрать силы, – Рейли сжал кулак, – и обрушиться на мерзавцев, чтобы уничтожить их всех до единого!

Последние слова были заглушены трескотней отдаленных выстрелов и жалобным лошадиным ржанием.

– Но, ваше величество, – наглец сделал эффектную паузу, – свершить этого герою не суждено, ибо звезды сулили ему иное. С самого утра его ждала засада. Слышите эту стрельбу, Бэт? Это Ричард Грэнвилл, мой кузен. А с ним – самые отъявленные головорезы Девоншира и валлийского пограничья, которых только можно было сыскать за испанское серебро. Что ж, моя дорогая Элизабет! Кажется, настало время спасти от бессмысленной расправы мужественных защитников Тауэра. Смею надеяться, божественная Диана, вы составите мне компанию.

Из всех королевских резиденций Тауэр, пожалуй, был самой неприступной и самой нелюбимой для венценосной амазонки, попавшей в сети, расставленные недавним фаворитом. Именно здесь специально приглашенный из Франции палач опустил меч правосудия на шею ее матери. Именно здесь томила в заключении она сама, в единый миг утратившая милость отца и титул принцессы – незаконнорожденная дочь опасной колдуньи, одурманившей любовными чарами доброго короля. Дочь опасной чародейки, заставившей боголюбивого монарха, «хранителя веры» отречься от религии отцов и столкнуть королевство в пучину смуты и кровопролития. Пережившая опалу и презрение двора королева, несомненно, помнила все, а потому понимала, насколько шатки ее права на престол.

Древний валлийский род Тудуров, получивший в Британии наименование Тюдоров, не был связан родством с династией местных властителей, хотя знатностью превосходил все иные семьи Уэльса. Одним из самых доблестных сподвижников принца Дэвида, всю жизнь боровшегося против англичан за независимость своих земель, был Эдинфед Фичин. Его сын Тудур ап Эдинфед был захвачен королем Англии Генрихом III и отправлен сюда же, в Тауэр, в качестве почетного заложника.

Почет ему, должно быть, оказывали немалый, поскольку уже через два месяца Тудур присягнул на верность королю Англии, а через год вел переговоры с принцем Дэвидом от имени Генриха III. От этого, проклятого собственным отцом, сына и пошел род Тюдоров. Король Англии по достоинству оценил услуги переметчика, отдав тому после покорения его родины все владения предков и ряд иных земель.

Однако плоды измены не пошли впрок его потомкам и прадед первого короля этой династии, Мэрэдад, был личностью весьма темной. Одни утверждали, что он был эсквайром на службе епископа Бенгера, другие и вовсе называли отпрыска валлийских танов трактирщиком в Конви. Как бы то ни было, его сын Оуэн Тюдор, безземельный джентри, каким-то чудом стал мажордомом при дворе вдовствующей королевы Екатерины из рода Валуа, а затем и ее мужем. Неплохая карьера для дворянина, чьи владения были конфискованы еще до рождения, то ли за участие Мэрэдада в мятеже, то ли за убийство им королевского чиновника.

В любом случае по законам Британии повторный брак вдовствующей королевы с низкородным полуваллийцем считался оскорблением короны и грозил лишением владений и всего имущества. Но скрип перьев законовеев испокон веку заглушался звоном мечей. Война Алой и Белой розы разом смешала все карты в политическом пасьянсе. Подобно урагану, ломающему ветви и выворачивающему с корнем деревья, пронеслась она над Англией, сокрушая и без того подгнившее древо правящего королевского дома. Обе его линии – и Ланкастеры, и Йорки с таким рвением истребляли друг друга, что в конце концов почти добились своего. Тогда-то и вышел на сцену лишенный всех прав изгнанник – Генрих Тюдор, граф Ричмонд, в жилах которого текла пара капель крови Плантагенетов. Правда, по линии бастардов, но в такой-то момент кому до этого есть дело! Короновал себя после победы у Босуорта, Генрих Тюдор, ставший Генрихом VII, едва ли не силой взял в жены дочь короля Эдуарда IV, Елизавету Йоркскую, тем самым добавляя веса своим эфемерным правам на престол. Стоит ли говорить, как он держался за эти права! Именно по его приказу был казнен племянник Эдуарда IV, граф Эдуард Уорвик. Да и со смертью сыновей Эдуарда IV, обычно приписываемой коварному дяде Ричарду III, тоже все отнюдь не просто. С чего бы это вдруг Лондонская ратуша отпускала деньги на содержание запертых в Тауэре принцев еще год после смерти «горбатого чудовища» Ричарда III? А ведь отпускала же!

Сын первого из Тюдоров, надевших королевский венец, чувствовал себя куда как увереннее. Но ту сумятицу, которую он внес в порядок престолонаследия, ни до, ни после него не удавалось переплюнуть ни одному монарху.

Первенцем Генриха VII был сын его любовницы Бесси Блаунт – Генри Фитцрой, герцог Ричмонд и Сомерсет, граф Ноттингем, кавалер ордена Подвязки. Долгое время его считали возможным наследником престола. Но после первой женитьбы короля Фитцрой был отодвинут в сторону, и наследницей престола стала дочь его величества от Екатерины Арагонской – Мария. Та самая Кровавая Мэри. Но и ей не повезло. Король влюбился в Анну Болейн и пожелал расторгнуть опостылевший брак с несчастной испанской принцессой. Однако та оказалась против, и в этом ее поддержал Папа Римский, что крайне возмутило ошалевшего от страсти государя. Забыв о недавно полученном титуле «Хранителя Веры», автор трактата «В защиту семи таинств» объявил себя главой собственной церкви, независимой от римских епископов. В католическом мире Екатерина Арагонская продолжала считаться супругой английского суверена, но сам он ее таковой больше не почитал.

После создания англиканской церкви Генрих тут же взял в жены Анну Болейн – новоиспеченную маркизу Дорсет, родившую ему вскоре Елизавету – еще пару часов тому назад королеву Англии. Однако любовная страсть толкала «валлийского бычка», как нежно именovali своего монарха англичане, на очередные амурные похождения. Так что очень скоро опостылевшая королева лишилась головы, а ее дочь – всех прав на престол.

Впоследствии Генрих VIII был женат еще четырежды, но, на счастье британцев, имел еще лишь одного ребенка. Хилый добрый король Эдуард VI, начавший править десяти лет от роду, не успел за краткие годы нахождения у власти оставить прямых наследников, но прежде, чем быть отравленным, также внес неоценимый вклад в запутывание дел английской короны.

По его указу трон переходил не к Марии, не к Елизавете, и уж подавно не к Генри Фитц-рою, скончавшемуся несколько ранее. Королевой была объявлена кузина Эдуарда – Джейн Грей. Бедная девочка! Как она не хотела принимать этот братский подарок! На беду, первые лорды королевства уговорили ее. Джейн правила всего девять дней, а затем была свергнута католиками во главе с Марией Тюдор. Здесь же, в Тауэре, ей отрубили голову.

Взошедшая на трон королева Мария делала только первые шаги к завоеванию личного прозвища «Кровавая». Ей еще предстояло залить Англию кровью, возвращая заблудшую овцу в католическое стадо. Надо ли говорить, что из современников более всего она ненавидела единокровную сестру Елизавету, похитившую у нее любовь отца и лишившую счастливого детства. Невзгоды во многом уравнили их, но простить, что с малолетства числилась фрейлиной у «ведьмовского отродья», Мария была не в силах. И хотя брак Марии Тюдор и нынешнего короля Испании Филиппа II не дал наследника Британии, завешание, оставлявшее престол Елизавете, было слишком подозрительно, чтобы принимать его на веру. Когда б не герцог Норфолк, вселюдно огласивший последнюю волю умершей королевы, когда б не чаяния англичан, уставших от зверств фанатичной католички, максимум, на что могла рассчитывать нынешняя Диана, это тихий замок в глуши и пожизненная рента. Но первые лорды Англии, опасаясь претензий на трон супруга Марии, еще более яростного ревнителя чистоты веры короля Испании, не моргнув глазом склонили чашу весов в ее пользу. И Элизабет Тюдор знала об этом, как никто. Знала она и другое... Что за стенами крепости, в которой сейчас кипел бой, томилась внучка Генриха VII, дочь его старшей дочери Маргариты, королева Шотландии Мария Стюарт, английская принцесса, имевшая прав на трон никак не меньше, чем королева-«девственница»!

– Что же вы стали, сударыня?! – Насмешливый голос Рейли, точно удар плетью, вывел из оцепенения замершую у фальшборта королеву. – Сходни уже спущены. К чему медлить? Тауэр ждет вас!

Глава 5

Я – человек принципов! И если вам они не нравятся... У меня есть другие.

Эжен Франсуа Видок

Бой в Тауэре подходил к концу. Королевские Йомены, несущие караульную службу в стенах лондонской твердыни, были отличными бойцами, быть может, лучшими в Англии. Но их было сравнительно немного, и они были захвачены врасплох. К тому же они занимали великое множество постов по всему периметру крепостных стен. На каждого королевского гвардейца приходилось десять—пятнадцать человек заговорщиков.

Пока мы с Рейли и Елизаветой Английской проходили по внутреннему двору Тауэра, нам то и дело встречались места ожесточенных стычек, заваленные мертвыми телами. И хотя красно-белая роза Тюдоров, украшавшая нагрудники отважных йоменов, встречалась куда как реже разномастно пестрых одежд штурмующей братии, ясно было одно: часы цитадели сочтены. Основная часть обороняющихся, укрывшись за толстыми стенами Белого Тауэра, отчаянно сопротивлялась, засыпала штурмующих обломками мебели, стрелами, изредка, экономя заряды, стреляла из аркебуз. Однако, невзирая на мужество Королевских Йоменов и высоту замковых стен, исход боя был предreshен. К моменту нашего появления обливающиеся потом мятежники уже разворачивали на прямую наводку пару чудовищных бронзовых монстров – орудия калибром примерно в восемь дюймов. Эти грозные пушки я помнил с детства. К радости туристов, они занимали достойное место возле лафетного склада.

По щитодержателям британского герба орудия носили звучные имена – «Лев» и «Единорог». До начала XX века их слитным залпом встречал Тауэр въезд государя. Здесь грозным чудовищам суждена была иная судьба.

Еще несколько минут – и массивные ворота, способные отразить удары окованного железом бревна-тарана, разлетятся в щепы, разбитые тяжеленными ядрами. Понимая, что уничтожение последней преграды, отделяющей защитников цитадели от штурмующих, грозит остаткам гарнизона неминуемой гибелью, йомены старательно выцеливали мятежников, суетившихся возле орудий. То один, то другой головорез падал, сраженный пулей или стрелой, пущенной из башни Белого Тауэра. Однако, оскальзываясь в хлещущей из ран крови, товарищи павших разбойников деловито продолжали разворачивать тяжеленные пушки.

– Как вы полагаете, монсеньер, – игнорируя нежно поддерживаемую под локоть королеву, осведомился Рейли, – может, ни к чему вся эта канитель со штурмом? Может, лучше принести из порохового погреба сотню-другую бочонков с порохом, подкатить их к стенам и взорвать, на радость всему дьяволу семейству? Как тогда у вас, в Лувре!

Я нахмурился, подбирая слова, чтобы отговорить хладнокровного узурпатора от столь жестокосердного, хотя, увы, вполне практичного замысла.

– Вы правы, ваше высочество, вы правы, – заметив негодующую гримасу на моем лице, вздохнул Рейли. – Лишнее кровопролитие, священная твердыня... К тому же кладка здесь такая толстая, что для сокрушения стен надо подвести фугас непосредственно под них.

В это время хлопотавшие у пушек канониры закончили возиться со своими голосистыми подопечными и, укрывшись за щитами, наскоро сооруженными из сорванных с петель дверей хозяйственных построек, зажгли уголь под дочерна закопченным противнем для раскаливания зажигательных ядер. В этот момент град стрел и пуль, посылаемых защитниками Белого Тауэра в сторону импровизированной батареи, внезапно стих. Должно быть, из башни разглядели венценосную зрительницу с ее вот уж воистину окружением. Королева стояла слишком близко

от изготовленных к бою орудий, чтобы продолжать обстрел канониров без опасения ранить, а то и, не дай бог, убить ее величество.

– Ваши йомены, сударыня, грандиозные бойцы. – Губы Рейли сложились в насмешливую улыбку. – Но главное, до чего же они благородны! Поглядите! Эти храбрецы запросто готовы пойти на смерть, лишь бы спасти вас! Неужели же вы, Элизабет, согласны принять такую жертву?!

– Я – королева! – мрачно, но с несгибаемым хладнокровием проговорила молчавшая дотоле пленница. – Долг солдата – погибать за своего государя.

– Долги следует возвращать, мэм! – резко отозвался Уолтер. – Вы и так задолжали этим смельчикам. К тому же вам следует привыкать, отныне вы не королева. Вы – маркиза Дорсет, ибо только этот титул принадлежит вам по праву.

– Уолтер, – принужденно смиряясь с незавидной участью, чуть более мягко начала низложенная королева. – К чему все это? Неужели вы желаете возвести на престол эту шотландскую интриганку? Вы, именно вы?!

Плечи корсара удивленно поднялись вверх.

– Если мы с вами имеем в виду одно и то же, сударыня, то это вполне объяснимо. Мария моложе вас и, по слухам, весьма хороша собой.

Лицо Елизаветы вытянулось, точно жестокосердный светский лев полоснул когтями по ее нежной щеке. Своей «неземной прелестью» она дорожила никак не меньше, чем короной предков.

– Англичане не потерпят шотландку на престоле! – запальчиво выкрикнула она.

– Да ну?! – Рейли скептически поднял брови. – Что же они сколько лет терпели валлиек? Открою секрет, моя невинная Диана: в этой стране вообще мало кому есть дело до того, кто правит в Лондоне, – лишь бы на местах все оставалось по-прежнему.

В этот момент первый залп заглушил разоблачительную тираду корсара, позволяя слышать лишь ее окончание.

– ... в то время как вы, незамужняя девица, раздаривающая графства никчемным выскочкам, о достоинствах которых известно лишь вам, их женам да всем шлюхам Сити, – дерзкий вызов древним традициям Британии. – Завершив фразу, он помахал перед собой шляпой, разгоняя пороховое облачко. Затем, полюбовавшись произведенными разрушениями, крикнул пушкарям, забивающим новый заряд: – Ниже прицел берите! Разнесите ворота в щепу! – После чего, утратив интерес к артобстрелу, мятежник вновь повернулся к недавней вершительнице судеб королевства. – Ну что, ваша милость, вы по-прежнему желаете наблюдать воочию, как погибнет последний защитник вашей короны? Или же все-таки стоит велеть Уолсингаму перенести осажденным условия почетной капитуляции?

Второй залп был нацелен лучше первого, и теперь, посреди окованных железом ворот виднелось два ровных обугленных отверстия, от которых еще нерешительно, но все больше набирая силу, расплзались язычки пламени.

– Вот так-то лучше! – глядя, как огонь начинает пожирать дубовые створки ворот, подытожил хладнокровный вояка. – Не помню, рассказывал ли я вам, мадам, во Фландрии, в крепости Мартенгаль, испанцы завалили ворота изнутри битым камнем. Нам полдня пришлось делать в них брешь. И все это под вражеским огнем. А здесь, – он смерил взглядом безмолвную башню, – еще несколько таких попаданий – и замок падет! Ну что, мэм, – насмешливый голос Рейли на этот раз был суров, – все еще «никогда»? Или же позволим смельчакам, обреченным на гибель, благословлять ваше имя, благодаря Всевышнего за спасение?! Поверьте, сударыня, Господь ничего не забывает. В те дни, когда вашей милости было угодно заточить меня в Кирпичную башню, я сам частенько просил Его дать мне еще один шанс. Итак, – «недавний богомолец» обнажил шпагу и поднял ее вверх, собираясь, должно быть, скомандовать канонирам короткое, яростное «Пли!», – Элизабет, ваше слово! Да или нет?!

– Лорд Френсис, – резко поворачиваясь к стоящему позади Уолсингаму, через силу выдавила королева, – выбора нет. Извольте выслушать условия капитуляции. – Она умолкла, а затем, не желая глядеть на «жертву своих политических репрессий», обернулась ко мне и выпалила наверняка давно наболевшее: – А вы, месье, вы – мерзавец! Абсолют!

– *Вот и познакомились!* – подытожил Лис на канале связи. – *Я только насчет «абсолюта» не въехал. Это она шо – галимюю водовку имеет в виду или тут какой-то секретный пароль? Типа, она – наш агент?*

– *Это у нее словцо такое любимое,* – пояснил я, стараясь пересилить нахлынувшую обиду. – *Означает крайнюю степень возмущения.*

– *В общем, полный... абзац!* – подвел черту мой любознательный друг. – *Слушай, а шо она на тебя-то взъелась?*

– *Ну кто-то же должен подставить спину для порки,* – обреченно вздохнул я.

В покоях лорда-констебля Тауэра, безропотно отдавшего шпагу и личные апартаменты своему недавнему подопечному, победоносный Рейли в присутствии свергнутой королевы демонстрировал великодушие и милосердие. Чинно поддерживая маркизу Дорсет под локоть, он вышел на галерею, с которой открывался вид во внутренний двор Тауэра. Без малого шесть десятков королевских йоменов, с увядающей розой Тюдоров на груди, были выстроены в три шеренги, точно для смотра. Заинтересованный взгляд победителя скользил по их коренастым фигурам, выискивая хоть одного благожелательного слушателя, но однообразно тоскливые взоры гвардейцев были обращены на кучу сваленных посреди плаца алебард, шпаг и аркебузов, еще недавно служивших им оружием. Лишь появление королевы заставило последних защитников ее величества подтянуться и приветствовать свою государыню радостными криками, точно и не было этой капитуляции. Точно не шли они всего лишь несколько минут назад сюда, чтобы бросить в грязь то, что давным-давно стало их неотъемлемой частью.

В эту минуту они славили свою королеву. Все как один, без малого шесть десятков выживших из полутора сотен, заступивших на рассвете в караул. Речь Уолтера – красноречивая, лестная и образная, была выслушана в равнодушном молчании, точно не их во всеуслышанье именовали «смельчаками, превосходящими отвагою львов, а верностью снискавших рыцарское достоинство». Молчанье было ответом на слова Рейли. Лишь глумливые вороны Тауэра, кружась над плацем, вторили его восхвалениям недобрым каркающим смехом.

Не дождавшись ответа, недавний пират велел распустить пленных по домам, выдав им по двадцать шиллингов на брата – сумма достаточная, чтобы неделю держать в крепости всех баронов Корнуэлла. Это серебро, едва ли не до пенни, чуть позже было найдено мятежниками на пути от плаца перед Белым Тауэром к башне Мартина. Те же, что не нашлись, вероятно, попросту улетели в темные воды Темзы. На призыв Рейли поступить под его знамена не отозвался никто.

Впрочем, чему удивляться?! Мы, британцы, – народ упертый, и уж если что возьмем в голову – ни битье, ни логика, ни сребреники, – ничто не способно заставить нас отказаться от того, что почитаем верным и справедливым.

– Увы, полагаю, это не последняя наша встреча, – глядя в гордо выпрямленные спины удаляющихся йоменов, покачал головой Рейли. – А жаль!

– Они найдут себе другое оружие. Они поднимут десятки, сотни, тысячи своих братьев и сыновей, чтобы вернуть мне корону! – отчеканила Елизавета, невзирая на жизненные невзгоды, полная несокрушимого величия.

– Возможно, мэм, вполне возможно, – устало кивнул торжествующий завоеватель, в эту минуту, должно быть, впервые сполна ощутивший тяжесть собственной победы. – Впрочем, у них нет денег, чтобы снарядить армию. А те, у кого их достаточно, вряд ли захотят вкладывать золото в ваше освобождение. Приведя вас к власти, сударыня, лорды хотели править не столько

вместе с вами, сколько вместо вас. Вы им не дали такой возможности. Что касается меня – я считаю это правильным. Но никогда еще владения лордов так не уменьшались, как при вашем правлении, и никогда еще эти гордые спесивцы не были вынуждены подчиняться девице. А ведь наверняка, сударыня, в детстве вам приводили в пример труд преподобного аббата Вивеса «Наставления женщине-христианке». Полагаю, для вас не секрет, что сей известный гуманист, вдохновляемый святым Иеронимом, утверждает, будто женщина от природы инструмент не Христа, а дьявола. Но как Христос есть посредник между Богом и людьми, так мужчина...

– ...посредник между Богом и женщиной. Я читала эту несусветную чушь, – досадливо поморщилась Елизавета. – Но вы-то...

– Бэт! Что может аббат знать о женщинах? Несомненно, он – полный осел! Впрочем, как большинство аббатов, епископов и, уж несомненно, его святейшество. Но в эту ерунду, как бы вы ни старались, верят ваши, хотя уже и не ваши, подданные. Они ждали короля. Вы им его не дали. И этого они вам вряд ли простят.

– Никто в Англии не достоин быть мужем королевы! – гордо выпрямилась Элизабет Тюдор. – Никто вне границ этого острова не достоин быть королем Британии!

– Возможно, это и так, – лениво согласился Рейли. – Но как бы сие ни было прискорбно для вас, кроме горстки храбрецов, вряд ли сыщется желающий отстаивать права Тюдоров. Тем более если им предложить замену, вполне достойную королевского венца.

– Мария Стюарт, – с ненавистью глядя на коварного узурпатора, прошипела низложенная королева.

– Она тоже дама. Скорее ее малолетний сын Джеймс, – не моргнув глазом, точно советуясь со старой приятельницей, проговорил Уолтер. – Но впрочем, есть еще престарелая Маргарет, графиня Солсбери, племянница покойного короля Эдуарда IV. В ее жилах течет кровь Плантагенетов. Да и Эдуард Кортни также имеет прямое отношение к этому роду. Хотя, признаюсь, первые два варианта нравятся мне больше. И если бы выбор был за мной, я бы, пожалуй, действительно поддержал Марию Стюарт, невзирая на ее манеру вести бракоразводный процесс.¹⁶

Однако, сударыня, не глядите на меня как на исчадие ада! В Британии есть палата лордов, палата общин. В конце концов, есть народ, который тоже будет рад молвить слово, выбирая себе правителя. Не так часто его о чем-то спрашивают! И поверьте мне, Бэт, поверьте, если не как другу, которым я себя мнил лишь пару месяцев назад, то как человеку, отнюдь не желающему вам зла. За суетой, а пуще разговорами, все и думать забудут о вашей злосчастной судьбе. Когда же, натешившись своим картонным величием, все эти словоблуды, склонив голову, примут то, что им будет оглашено как их собственная воля, свергнутая королева и по давню окажется никому не нужна. Это истина. Горькая, но истина. Однако не стоит отчаиваться, Бэт. Забудьте никчемные планы мести – мы с вами отлично поладим!

– Мария Стюарт – мужеубийца, – точно невзначай напомнила Елизавета, принимая при этом довольно смиренный вид. – Она не может быть королевой.

– Так говорят, – согласно кивнул Рейли. – Но, сударыня, я бы рекомендовал вам не настаивать на этом обвинении. А то ведь находятся отпетые наглецы, утверждающие, что несчастная супруга лорда Дадли не по своей воле оказалась на роковой для себя лестнице. А уж ломать шею и вовсе не входило в ее намерения.

Лицо Елизаветы Тюдор под белилами стало пунцовым от гнева.

– Я не отдавала приказа ее убивать! – яростно сжимая кулачки, выкрикнула она.

– Вполне допускаю, что это действительно так. Гибель соперницы действительно могла быть абсолютно случайной. Везет немногим, однако всякое в жизни происходит. Но возможно, то же самое мне скажет ваша шотландская кузина. – Рейли снял с головы парадную бархатную

¹⁶ Муж Марии Стюарт погиб при взрыве, в подготовке которого обвиняли королеву Шотландии.

шапочку, расшитую жемчугом и серебряной нитью, и, прижав ее к груди, почтительно склонил голову. – Сударыня! Оставляю вас на попечении моего двоюродного брата Ричарда. И прошу вас помнить: он не питает к вам тех нежных чувств, которые питаю я. И вот еще что: обдумайте на досуге, а его теперь у вас будет много, фразу из сочинений некоего флорентийца Николо Макиавелли: «Обезоруженный богач – награда бедного солдата». – Он еще раз склонил голову и повернулся ко мне. – Мессир! Помнится, по своему первому мужу Франциску II королева Мария Шотландская приходится вам родней?

– Весьма отдаленной, – кривя душой, признался я.

– И все же, ваше высочество! Я прошу вас, представьте меня своей родственнице.

На мой взгляд, Марию Стюарт нельзя было назвать красавицей. Но вся Европа, во всяком случае, вся аристократическая ее часть, утверждала обратное. И хотя прекрасные каштановые волосы, нежнейшая белая кожа, точно наилучший шелк, не являлись измышлением льстивых дворцовых пиитов, однако выразительные карие глаза шотландской королевы, пожалуй, казались посаженными чересчур близко, да и нос, пусть и правильной формы, был длинноват. В остальном же она была вполне хороша, и если бы не какое-то странное, неуловимое впечатление жесткой решительности, не сходившее с лица венценосной узницы, ее привлекательность невозможно было бы оспаривать. Сейчас же она до смешного напоминала «несгибаемую борщицу за права женщин быть мужчинами», наряженную в повседневное платье состоятельной горожанки Елизаветинской эпохи.

– Вы пришли освободить меня?! – с места в карьер набросилась на Рейли истосковавшаяся по общению беглая королева. Понятное дело, эта знаменательная фраза не могла остаться незамеченной оставленным на корабле Лисом.

– *Та не, чисто так, от экскурсии отбилсь,* – не замедлил вставить он. – *Капитан! Вопрос в порядке ознакомления с окружающей средой. Ты ж в этих краях вроде как абориген?*

– *Не совсем,* – счел необходимым уточнить я. – *Но в Лондоне бывал частенько.*

– *Это хорошо,* – удовлетворенно растягивая слова, заметил Рейнар. – *Я это к тому, что ежели нас в какой-нибудь здешний каземат запроторят – отсюда ж выбираться надо будет! Я ж надеюсь, ты тут все ходы и выходы знаешь.*

– *Не знаю,* – честно сознался я.

– *А вот это ты зря.* – Голос Лиса был суров. – *Это ты напрасно. На фига ж ты здесь шарился, если не знаешь, как отсюда когти рвать. Эдак мы по твоей милости зависнем в темнице сырой, шо тот бедный товарищ, махая крылом.*

Увы, великий и могучий русский язык моего напарника становился порою слишком могуч для восприятия.

– *Мне надо было здесь поработать с архивами,* – начал оправдываться я. – *К тому же здесь хранятся драгоценности английской короны...*

– *Да?!! А вот с этого места поподробнее.* – В тоне моего верного соратника появился столь неприкрытый и однозначный интерес, что я невольно осекся, понимая, что сболтнул лишнее.

От дальнейших объяснений меня избавил приход, вернее, прибег уже знакомого нам боцмана с «Дерзновения». Полы его куртки торчали из-под черненого панциря с золотой насечкой. Судя по богатству отделки, раздобытого в арсенале Белого Тауэра.

– Милорд! – становясь во фронт, сказал он, переполняясь важностью момента. – Перед воротами – лорд-канцлер и с ним еще два каких-то джентльмена из Тайного совета, а с ними еще люду всякого звания набилось без счета. Велите принять или... – Боцман выразительно провел ребром ладони по стальному горжету.¹⁷

¹⁷ Горжет – часть доспеха, защищающая горло.

Рейли вопросительно поглядел на Марию Стюарт, не столько спрашивая у нее позволения действовать, сколько пытаясь узнать, не желает ли она что-либо сказать по поводу столь неурочного визита. Впрочем, неурочного ли? Лондон, столица Британии, со всеми предместьями, а может, и со всеми торговцами, съехавшимися повыгоднее продать товар на многочисленных рынках города, вряд ли насчитывал более двухсот тысяч жителей. Стоит ли удивляться, что после перестрелки с отрядом Дадли, после недавней канонады, а тем паче после появления на лондонских улицах обезоруженных йоменов королевской стражи, столицу охватила тихая паника. Представляю, какие слухи сейчас передавались из уст в уста от Уайт-Чепл до самого Вестминстерского аббатства! То, что пираты напали на город, – так это яснее ясного. Правда, возможно, что это не пираты, а испанцы вместе с валлийцами и, для пущей жути, с ирландцами. Почему ирландцами? Да как же без них! Они известные смутьяны! В общем, ужас кошмарный! Что-то надо делать, но непонятно что: то ли бежать, то ли обороняться, то ли сначала обороняться, а потом все-таки бежать. Кому ж, как не лорду-канцлеру, лорду-мэру и, должно быть, спикеру палаты общин, разбираться с неожиданной напастью! Правда, пришли они не одни, а во главе толпы. Но для народного собрания обычно хватает холостого залпа поверх голов. Для лордов же необходимы аргументы более весомые.

– Лайонард Бэрри! – кладя руку на плечо боцмана, начал Уолтер, решив не дожидаться выяснения точки зрения освобожденной королевы Шотландии. – Ступай к воротам и оповести собравшихся, что городу ничего не угрожает. Лондонцы могут возвращаться к своим обычным делам. А тем трем джентльменам, которые желают меня видеть, передай, что ее королевское величество Мария Стюарт, волею Божией регентша при малолетнем короле Англии Джеймсе I, почтила меня высокой честью, сделав лордом-протектором королевства. О чем я их с великой радостью извещаю. А также довожу до сведения этих господ, что не позднее чем через два часа я намерен собрать в королевской резиденции Тауэр всех лордов членов Тайного совета для решения насущных вопросов. В особенности тех, которые вытекают из решения ее величества королевы Елизаветы I сложить с себя бремя королевской власти.

– Прошу прощения, милорд, – потупился Лайонард, – я так складно не запомню.

– Ерунда! – отмахнулся самозванный лорд-протектор, – растолкуй им как сумеешь. Только гляди никого не убивай! Да, и вот еще что! Объяви, что я гарантирую жизнь и свободу всем пришедшим сюда лордам. Но те, кто пожелает уклониться от выполнения своего священного долга, будут доставлены в Тауэр под конвоем и размещены в одной из здешних башен на вечное поселение.

– Понял! – услышав знакомые ноты в голосе любимого командира, расплылся в широкой, почти добродушной улыбке Лайонард Бэрри. Затем, лязгая доспехом, неловко поклонился и бросился выполнять приказ.

– Ваше величество! – Смерив взглядом удаляющуюся фигуру боцмана, Рейли вновь повернулся к королеве Марии. – Прошу прощения, я не успел представиться.

Физиономия наглеца выражала столь необъятную бездну раскаяния, что в нее свободно бы провалились Тауэр, Лондон и пол-Англии в придачу. – Мое имя...

Судя по лицу Марии Стюарт, благородное прозвание, гордо озвученное необычайным освободителем, не порождало у нее ни малейших воспоминаний.

– Рейли? – повторила она. – Но... Откуда вы, милорд?

– Из Девоншира! – гордо расправил плечи пират. – Я выходец из древнего девонширского рода. Наш герб: в серебряном поле две волнистые червлёные перевязи влево – есть память о крови, пролитой из ран, полученных рыцарями нашего рода в Крестовых походах.

– Ну вот, пошло-поехало. Мой герб – баран, падающий с недостроенного моста, что означает: ежели мне в голову какая мысль стукнет – хрен меня чем остановишь! Вы шо, англичане, все на эту тему повернутые?! – раздался на канале связи укоризненный голос Лиса.

– Все! – гордо резюмировал я. – Во всяком случае – истинные англичане!

– Мадам! – между тем продолжал потомок истекших кровью крестоносцев. – Смею надеяться, вы одобряете сделанные мною распоряжения и позволите мне впредь столь же ревностно защищать ваши интересы и интересы нашего обожаемого короля Джеймса.

– Я верю вам, милорд Рейли! – принимая горделивую позу, звонким, хорошо поставленным голосом изрекла королева-регентша. – И благодарю вас за все то, что вы для нас сделали. Впрочем, а что еще она могла сказать?

Глава 6

*Причинять людям зло большей частью не так опасно, как делать
им слишком много добра.*
Франсуа де Ларошфуко

Вечером вскоре после закрытия городских ворот в Тауэр начали стекаться те, кого судьба, неведомо, на счастье или на беду, вознесла к ступеням трона, сделав членами Тайного совета. Лица их были сумрачны, а руки многих, даже давно переступивших черту преклонного возраста, лежали на эфесах шпаг. Будто бы каждый из этих почтенных мужей втайне надеялся клинком разогнать сгустившиеся над головой тучи. Всех их, даже архиепископа Кентерберийского и епископа Лондонского, сопровождал вооруженный эскорт человек двадцать—двадцать пять. Однако, невзирая на протесты приглашенных лордов, свита не была допущена в святая святых королевства, и теперь перед крепостными воротами толпилось до трех сотен вооруженных слуг, телохранителей и наемников, ждущих своих лордов.

Постепенно это лишенное руководства войско обрастало зеваками и храбрецами из лондонской милиции – регулярного городского ополчения. Появилась даже пара фальконетов. Однако, несмотря на угрожающую численность, толпа, похоже, вовсе не собиралась идти на штурм крепостных стен. Она вооруженно любопытствовала, демонстрируя в основном себе же свою несокрушимую мощь и живо интересуясь происходящим внутри Тауэра.

Пламя многочисленных факелов, принесенных этой импровизированной группой поддержки, всполошенно билось на древках, силясь убежать от дувшего с реки ветра. Красно-рыжие блики, метавшиеся по толпе, то и дело выхватывали из сгущающейся тьмы то полированную сталь кирасы, то чью-то лысину в дедовском черепнике,¹⁸ то вскинутые к небу топорки алебард и стволы аркебузов. Ворчливо переговариваясь, все это скопище равнодушных полуночников время от времени начинало выкрикивать то здравицу Елизавете Тюдор, то имя чудесного малыша Джеймса Стюарта. Уж и не знаю, что такого хорошего нашли они в этом шотландском «ангелочке»? Лично у меня все, что я знал о сем хлипком, вялом отпрыске Гизов, Тюдоров и Стюартов, наводило на мысль о вырождении породы. Но не мог же я ни с того ни с сего закричать со стены застоявшейся публике, что шестилетнее дите, еще не умеющее толком стоять на ногах, очень скоро вырастет в надменного трусливого себялюбца с самомнением, раздутым точно монгольфьер.

Я слушал очередной клич «Да здравствует король Джеймс!!!», и у меня из головы не шла фраза, брошенная этим любимцем толпы, когда королева Елизавета, подарив беспутному племяннику пять тысяч фунтов стерлингов, точно невзначай поинтересовалась у принца мнением по поводу ожидающейся казни его собственной матери. «Она сама сварила это пиво – пусть же им и подавится!» – изрек юный король Шотландии. Сказал, как припечатал. Хороший же государь ожидал британцев в ближайшее время! Хотя ожидал ли? Наверняка судьба слабосильного монарха не слишком тревожила нынешнего победителя. Мало ли что может случиться с болезненным ребенком за долгие годы предстоящего регентства?!

Признаться, еще больше, чем поведать толпе о личных качествах долгожданного государя мужского пола, меня подмывало сообщить нынешнему триумфатору, что в том мире, откуда я родом, по приказу «сего благородного отрока, чьи права на трон столь же законны и неоспоримы, как утренний свет», сам Рейли будет приговорен к смерти трижды. Педантичные

¹⁸ Черепник – простейший доспех из скованных или склепанных металлических полос, закрывающий голову от рубящих ударов.

палачи повесят смутьяна, затем, вынув из петли, обезглавят и напоследок четвертуют этого чересчур дерзкого, даже для своей дерзкой эпохи, девонширца.

Сейчас же, едва различимый в своих вороненых доспехах в колеблющемся свете факелов, озаряемый неверным сиянием луны, он стоял на боевой галерее крепостной стены, указывая острием обнаженной шпаги на роковое, возможно, и для него самого, место казни.

– ...леди Джейн Грей, граф Нортумберленд, герцог Норфолк, – каждый из вас, несомненно, помнит эти имена. И не только их! Если кровь, пролитую здесь, можно было бы собрать воедино, если прибавить к ней ту, что пролита руками палачей в холодных подземельях Тауэра, – останется ли в Лондоне место, где можно будет укрыться от этого багрового всепоглощающего потока?! Я спрашиваю вас, лорд-примас Британии, сдержат ли ворота священного для всех нас собора Святого Павла силу нового потопа? Не заглушит ли предсмертный стон невинных жертв, стон, вырванный у времени, колокольный набат, взывающий к Господу о милости?!

Бессмысленно, я повторяю, бессмысленно и безрассудно просить ответа у Всевышнего, когда уши закрыты и глаза запечатаны, чтобы не видеть его ясных знаков! Сердце мое наполняется скорбью, стоит лишь помыслить о тысячах загубленных душ, чей единственный грех состоял в том, что они хотели жить в согласии с собой, в согласии с древними праведными законами!

Прозрейте и услышьте: разве не Господь создал мужчину по образу и подобию своему, тем самым давая понять всему живущему, что лишь мужчине надлежит быть повелителем на земле, как и Всевышнему на небе? Разве не Господь, во всеблагости милости его, создал Еву из ребра Адама для вспомоществования своему первенцу и утешений оного в часы отдохновения от судьбоносных деяний? Всякий христианин во всяком краю знает о том и не в силах, не вправе оспорить сей предвечный божеский закон. Как же вы, мудрейшие из мудрых и опытнейшие из опытных, вы – цвет Британии и ее опора, позволили взвалить на плечи слабой, хрупкой дщери человеческой непомерный гнет верховной власти?!

Стоит ли дивиться, что сей жребий оказался непомерно тяжел для Елизаветы Тюдор! Стоит ли дивиться, что под гнетом королевского венца она принуждена была возложить свой тяжкий крест на того, кто последние годы составлял надежду и отраду ее жизни – на малыша, коему, буде на то воля Господня, суждено прославить наше Отечество! Но, милорды, поскольку королева-регентша почтила меня, назначив лордом-протектором Британии и Шотландии, вплоть до совершеннолетия ее сына, мне надлежит высказать мнение по поводу наследования престола наших благородных предков.

Страна без верховной власти подобна человеку, лишенному головы. Как бы ни был он силен – сей печальный факт разлучает его с миром живых. Но голова у человека должна быть одна, иначе то будет не высшее творение Господне, а курьезный уродец. К тому же голова должна быть любезна всему остальному телу, дабы то не стало помышлять иметь иную голову, нежели та, что дана от Бога. Мне вполне известно, что есть среди вас истинно верные, желающие вновь видеть Елизавету Тюдор своей королевой, и я от ее имени и от своего искренне благодарю их за преданность. Быть может, найдутся и другие желающие короновать не Джеймса Стюарта, а кого иного, – это их право. Так же как и право каждого вольного жителя Англии сказать с гордостью – вот он, мой король, ибо я желал, чтобы он правил мной, чтобы он хранил мой покой, чтобы он был мне отцом и защитником перед Господом. А потому я, Уолтер Рейли, лорд-протектор Англии и Шотландии, молю и заклинаю вас, молю первый и единственный раз – не надо козней, оставьте мрачные недомолвки заговоров! Пусть каждый честный англичанин по доброй воле скажет, кто ему люб. Вспомните о потоках крови, которые лишь чудом не смыли эти стены! Мне трудно будет обойтись без вашего опыта и мудрости. И, ежели вы все же решите покинуть своего юного короля в этот час, знайте, что покидаете не меня, но Британию в тяжкие для нее дни!

Рейли умолк, переводя дыхание. Затем, вернув шпагу в ножны, продолжил напористо:
– Прошу высказываться, милорды. Я хотел бы слышать, что думаете об этом вы, лорд-канцлер...

Прицельное внимание самозванного правителя островных королевств действовало на членов Тайного совета примерно так же, как прицельное внимание расстрельной команды на приговоренного к казни. Почтённый высоким правом первым выступить в прениях, глава Тайного совета Уильям Сессил был хмур, и речь его – досадливая, нелицеприятная – все же сводилась к следующему тезису: «В приличных домах приличные люди так не поступают. Но раз уж все сложилось подобным образом, то стало быть...»

Бряд ли этот сподвижник и ярый сторонник Елизаветы действительно желал действовать рука об руку с наглым узурпатором, но сил бороться с ним у Сессила не было. В Лондонском гарнизоне царила сумятица. Призвать войска баронов из Уэльса, Ирландии, с шотландской границы, а уж тем паче Голландии не представлялось возможным. Собирать разрозненные отряды по городам и замкам Англии не было времени, а лорд-протектор был здесь со своей небольшой, но крепко сколоченной бандой. А главное, права его, подтвержденные вполне законной соперницей Елизаветы I, оспорить было невозможно.

За Сессилом, порою перебивая друг друга, выступали прочие облеченные высочайшим доверием вельможи, но все услышанное так или иначе сводилось к незамысловатой формуле: коли бороться невозможно – придется с этим жить. Лишь один из лордов – хмурый, похожий на коренастого бульдога, лорд-хранитель королевского меча, едва двигая губами и недобро глядя исподлобья, объявил, что не желает иметь дело с выскочкой и пиратом и скорее даст разорвать себя на части, чем хоть самую малостью станет помогать Рейли. Лорда звали Артур Донован Невилл, барон Фаттлмаунт, и он, черт возьми, в нашем мире числился среди моих предков.

Вопреки ожиданиям, гневная реплика хладнокровного вояки была воспринята с любезной улыбкой, впрочем, как я уже знал, не предвещающей ничего хорошего. Все остальные участники выездного совещания Тайного совета постарались несколько сгладить впечатление от дерзости своего собрата, и на завтра был назначен сбор палаты лордов, а еще через пару дней и слушание в палате общин, дабы обставить переход власти в династию Стюартов надлежащим образом. Когда с официальной частью было покончено и проголодавшиеся на ночном ветру царедворцы были приглашены на ужин к королеве-регентше, Рейли подошел ко мне, «свидетелю его исторических деяний», вместе с тремя десятками отборных головорезов здесь же, на галерее, ожидающему благополучного окончания дебатов либо команды «фас».

– Вы хорошо говорили, Уолтер, – похвалил я новоиспеченного вельможу.

Он устало облокотился на высокий каменный парапет и сквозь щель между зубцами оглядывал топчущуюся в предвкушении неведомого чуда толпу. В свете факелов та казалась фантастическим чудищем с невероятным множеством голов и атрофичным мозгом в кончике хвоста.

– Пустое! – досадливо отмахнулся Рейли. – Слышали бы вы, какие я проповеди сочинял в Оксфорде для отца Этельреда. Всего по два шиллинга за штуку. Главное, чтоб прихожане были уверены, что они все поняли, но что-то все же осталось для них недоступным. Эти графы и бароны ничуть не лучше торговцев сукном и пивом. В этих-то джентльменах я как раз не сомневался – им всем есть что терять. Но Невилл-то хорош, стервец! Такого надо либо казнить, либо жаловать.

– Лучше жаловать! – мудро посоветовал я.

– Посмотрим, – устало бросил Уолтер, а затем добавил без всяческого перехода: – Мессир, завтра мне, вероятно, понадобится ваша помощь.

Я невольно побледнел:

– Уолтер, неужели вас снова влечет за собой тень моего брата?

– Нет, – отрицательно мотнул головой вчерашний пират. – Мне понадобится именно вы, ваше высочество. Но об этом позже. А сейчас, – он оттолкнулся руками от парапета, – а сейчас недурственно было бы почтить вниманием королевский ужин. Ведь королева Мария дает его по случаю вашего приезда, – Рейли иронично скривил губы, – дор-р-рогой кузен. Негоже заставлять ее величество ждать.

Торжественная, словно похоронная церемония, трапеза вполне утолила разыгравшийся не на шутку голод, однако не прибавила легкости и непринужденности пирующей братии. На ужин была приглашена сиятельная маркиза Дорсет, точно по мановению волшебной палочки превратившаяся из пламенной Дианы в утомленную стареющую женщину. Еще нынче утром, невзирая на пудру и румяна, язык бы не повернулся сказать, что огнекудрой Бэт сорок лет. Сейчас же низвергнутой королеве можно было дать и пятьдесят, и более. Елизавета сидела совсем недалеко от ликующей соперницы, старательно демонстрирующей лордам Тайного совета молодость и красоту.

Уста Марии Стюарт, пытавшейся развлечь легкой беседой нестигаемую соперницу, источали приторно-сладкие любезности. Однако не надо было отдавать весь этот сироп в лабораторию, чтобы почувствовать, насколько он пропитан настоящим за годы заточения ядом. «Любезная старшая сестра» молчала, глядя в одну точку, по всей видимости, находящуюся глубоко внутри, или же отвечала невпопад. Лишь однажды, когда язвительная шотландка, нежно улыбаясь, проворковала, что, зная о блистательном владении ее сиятельством иностранными языками, она с радостью предоставит дорогой кухне возможность для перевода на латынь всех оставшихся новелл Маргариты Наваррской, Елизавета вспыхнула и едва не вскочила с места. Что и говорить, намек был более чем прозрачным.

Когда-то, много лет назад, дочка казненной ведьмы, лишенная всех прав, послала очередной жене своего венценосного отца, Екатерине Парр, слезное письмо с изъяслением преданности и мольбой о заступничестве. К письму прилагались избранные новеллы из «Гептомерона» Маргариты Наваррской, «моей бабушки», переведенные юной затворницей на звучный латинский язык. К изысканному подарку прилагалось замечательно льстивое посвящение в античном духе. Многие годы недавняя королева старалась не вспоминать об этом эпизоде своей жизни. Однако забыть его Бэт Тюдор было не суждено.

В какой-то миг мне показалось, что еще секунда – и Елизавета, стряхнув с двузубой серебряной вилки приправленный тамариском кусок благородной оленины, набросится на соперницу, норовя истыкать ее, как подчиняющаяся основному инстинкту Шарон Стоун несчастный кусок льда. Желание это крупными буквами было написано на лбу у дочери самого буйного из английских королей, причем отнюдь не на латыни, а на доступном, портовом английском.

– Абсолют! – прошипела она, но нежная, заботливая рука лорда-протектора легла поверх ее тонкой ручки, и сам он, склонившись к ушку бывшей аманты, зашептал ей что-то ласковое-ласковое – то ли рождественскую песенку, то ли преамбулу смертного приговора. Что и говорить, Рейли умел находить убедительные слова!

– Картошка в кожухах под мальоркским соусом с сельдереем и острыми приправами! – гордо объявил распорядитель пиршества, и вышколенная прислуга королевской резиденции неспешно и величественно, точно крытую алым бархатом горностаевую мантию, внесла на грандиозных серебряных блюдах очередное произведение Лисовского кулинарного таланта.

Увы, в этот день свергнутой государыне не суждено было вкушать чудесных плодов «цветка Дианы». Сказавшись больной, она пожелала вернуться в свои покои, и Рейли, сделав чуть заметный знак рукой, подозвал пятерых «пажей» из абордажной команды, все это время стоявших по периметру залы с факелами и обнаженными шпагами в руках.

– Конвой заключенному особой камеры! – не преминул съязвить Лис. – Душераздирающее зрелище! Капитан, собери мозги в кулак и скажи мне, по возможности честно. Это мне кажется или таки Рейли действительно поимел их всех, как Бобик – тапок?

– Что ты имеешь в виду? – озадаченно спросил я.

– Я в упор не врубаюсь, шо за байда здесь происходит? Нас подменили ночью коварные морские цыгане? Рассказывают, будто некоторые, не будем тыкать пальцами в приличном обществе, рушили царства и крутили империями, как ото портовая шлюха своими окороками. И где теперь эти былинные богатыри? Куда они подевались, я их в упор не вижу? Какой-то жалкий пират, даже не Джон Сильвер, дергает нас шо Буратин за веревочки! Шо деется, я вас спрашиваю?!

Что и говорить, вдохновенный автор поданного к столу диковинного заморского деликатеса был зол не на шутку. Не приходилось гадать отчего! Признаться, ни в одном из наших многочисленных странствий по сопредельным мирам, ни в одной из головоломных операций нам еще не отводилась роль жалких статистов. Застенки, смертные приговоры и даже демонстративное усекновение головы – это было. Но чтоб вот так! Как тут не впасть в отчаяние?! Но все же историческая справедливость превыше всего. Рейли был гением. И во многом не его вина и уж тем паче не наша заслуга, что гений его был направлен именно в этом, столь плачевном для нас направлении.

– Он не просто пират, – поспешил вставить я. – Он сделан из того теста, из которого выходят Цезари и Александры Македонские...

– А также прочие клиенты сумасшедшего дома, – не дал мне завершить фразу Рейнар. – Я тебе вот что скажу, буквально как заслуженный кулинар и магнетический психопрактолог. В смысле, человек, на практике занимающийся психами. Тесту место в печи. И нам с тобой в этот момент лучше рядом не держаться.

– Ясновельможне панство! – вмешался в нашу непарламентскую дискуссию галантный, как всегда, пан Черновский. – Прошу простить, что прерываю ваши тонкие исследования закоулков человеческой души, но, пся крив, позвольте мне, как резиденту Института, вставить несколько слов.

Стоит ли говорить, что во время подобных изысканных мероприятий, как сегодняшний ужин в кругу скорпионов, мы с Лисом в автоматическом режиме транслировали такие судьбоносные моменты прямому руководству, обязанному принимать соответствующие решения. Но даже и не будь должностной инструкции, присутствие сейчас на канале связи Мишеля Дюнуара – начальника отдела «Мягких влияний» – было весьма полезно для дела. Этот широкоплечий гигант, являвшийся одним из лучших клинков Европы, слишком громоздкий и неудобный для современного карликового мира, был как нельзя более уместен на бескрайних просторах былых веков. И главное, он умел быстро принимать решения и находить выход в самых запутанных ситуациях. А уж как он умел запутывать эти самые ситуации, если в том возникала нужда! Здесь ему и вовсе равных не было.

– Так вот, вельмишановне панство, я, конечно, полностью разделяю праведный гнев, вас обуявший. Несомненно, ни в темнице, ни на камбузе у Рейли вам не место. Хотя, видит Бог, быть единственным, кроме меня, понятно, кулинаром, владеющим секретами приготовления изысканных блюд из «трюфелей Дианы», – весьма удобное прикрытие для стационарного агента.

– Минуточку!! Я не стационарный агент! Я оперативник! – бурно запротестовал Сергей, которого отнюдь не прельщала мысль остаться в столь неприветливом мире дольше, чем это было необходимо.

– К моему глубокому сожалению, это действительно так, – с огорченным вздохом согласился пан Михал. – А стало быть, из Тауэра необходимо выбираться.

– Ты что-то говорил о нашем человеке в Лондоне, – напомнил я.

– Да. – В голосе коронного шляхтича слышалась нескрываемая досада. – *Имеется у нас там помощник. Хороший специалист в хорошем месте. Шифры, подделка печатей, изготовление подложных документов – в этом ему равных нет. Артур Грегори – правая рука Уолсингама. Да вот беда: сэр Френсис нынче вместе с вами томится, и что с его людьми будет – лишь Творцу Небесному ведомо. Он не из институтских – ему помощи ждать неоткуда. Так что, должно быть, затаился наш человечек в щели потемнее, и пока все не образуется – голосу оттуда не подаст.*

– *Невелика подмога*, – огорченно проговорил я.

– *Мда...* – вынужденно признал пан Черновский. – *Есть ниточка, по которой можно попытаться его найти, но для этого придется послать в Англию надежного человека. Очень надежного. А такого еще поди сыщи!*

– *Да ну – понты делов!* – вмешался в неспешную речь соратников личный кулинар лорда-протектора. – *Мишель! Ты токо стукани так ненавязчиво в Институт нашему ненаглядному шефу, глаза б мои на него не глядели, шо это ему кажется, шо мы тут лихо разруливаем местные исторические катаклизмы. А на самом деле – я тут халтуру на кухне у одного, типа, гения. Хотя как по мне – так он больше похож на пирата, а Вальдар при нем изображает группу танцующих девочек с мохнатыми штучками. Отпрыск быстро найдет верных людей, верных троллей, спасательные катера и сорок тысяч беспризорных в позе сломанной березки.*

– *Нет, пан Сергей*, – мягко увещевая, заговорил специалист по соответствующему влиянию. – *То негодно. То нечестно. Ты только не волнуйся. Я, кажется, придумал, кого надо послать в Англию. А сейчас вернемся к тому, панове, что вам надлежит делать.*

– *Что еще?* – насторожился Лис. – *Только не говори, ради бога, что у нас очередная срочная командировочка образовалась!*

– *О-ля-ля, Рейнар! Ты угадал!*

– *Что?!* – Голос Лиса был таков, что невольно казалось, будто один из тауэрских мертвецов решил немножко поболтать, не дожидаясь обещанного Рейли часа.

– *Не надо так волноваться, пан Сергей! Это еще не точно. Я должен согласовать все с отделом разработки.*

– *А если без сюрпризов?* – вслед за напарником поинтересовался я. – *Что еще нас ждет?*

– *На эту тему вам следовало бы обратиться к астрологу*, – порекомендовал пан Михал.

– *Мишель, шо ты ломаешься, как Венера в доме терпимости!* – взорвался д'Орбиньяк. – *Домой мы уже не возвращаемся – это и ежу понятно! Спасибо, уважил. Шо делать надо?*

– *Так, пара пустяков. Вернуть Элизабет Тюдор на трон.*

– *А на фига?!* – поинтересовался Лис, никогда не отличавшийся пиететом перед августейшими особами. – *Тут шо называется – кто не спрятался, я не виноват. Сама нарвалась! Хрен ли ей было Рейли икалить?!* *Не покатила бы на него бочку – он бы до сих пор вокруг нее джигу вприсядку плясал.*

– *Оно-то, конечно, так*, – с неохотой согласился пан Михал. – *И вполне возможно, что династия Рейли – а я уверен, что именно к этому клонит наш поборник народной монархии, – будет куда уместнее на престоле Англии, чем грядущие худосочные Стюарты. Но беда в том, что на корону Вильгельма Завоевателя сыщется еще один претендент, которого Уолтер то ли не взял в расчет, то ли попросту забыл.*

– *Король Артур, восставший из гроба?* – не замедлил предположить Сергей.

– *Не совсем так*, – охладил его пыл резидент. – *Действительно, король, но еще, увы, в гроб не положенный – Филипп II Испанский.*

– *А ему-то что неймется?* – возмутился Лис. – *У него и так полмира под огородами! Или шматочка земельки не хватило, шоб бурячки посадить?*

– Все дело в том, – со вздохом напомнил я, – что Филипп II был мужем предыдущей королевы – Марии Кровавой.

– Да чьим только мужем он не был? Шо вы мне мозги компостируете! Эта тетка уже давно накрылась грунтом! Шо ему тут искать?!

– По английским законам – приданое жены есть неделимая собственность ее мужа. Стало быть, король Испании имеет вполне серьезные права на английский трон.

– А если к этому добавить, что Ватикан не признает Елизавету королевой и всякий, лишивший ее власти, заранее прощен и благословлен его святейшеством. Так что сей малахольный изувер может вполне членораздельно потребовать возвращения женского наследства. Что за этим последует, предсказать несложно! Сначала англичане, вплотную общающиеся с голландцами, да и лично помнящие Филиппа, откажутся признавать его права, сколь бы законны они ни были. Тогда Филипп пожелает снарядить флот, чтобы силой подчинить Британию испанскому влиянию. И если он не полезет в проливы, подобно быку за мулетой тореадора, а начнет, скажем, с Ирландии – только особо благополучное расположение звезд может спасти Англию. Флот Рейли ему противопоставить не сможет. Вряд ли Дрейк, Хоккинс, Баскервиль и все прочие королевские корсары придут с поклоном к своему прежнему собрату. А если не считать их, а возможно, и флотилию Томаса Сеймура, контролирующую Ла-Манш и Па-де-Кале, то флота в Британии нет. С армией еще хуже. Она и так не слишком крепка, и в сухопутном бою заведомо уступает испанской. Если сюда прибавить ожидающуюся смуту, то ставки Рейли вряд ли поднимутся выше, чем один к десяти. Но разгром армии – это лишь полдела. Британцы – народ упрямый и любящий подраться. Испанцы здесь увязнут надолго. И вот тут-то начинается самое противное.

– Шо такое?! – перебил лекцию старшего товарища нетерпеливый Лис. – Англичане поголовно переселятся в Испанию и загробят нацию, научив ее мешать шотландское виски с элем?

– Если бы! – хмыкнул пан Михал. – Но до такой удачи нам не дожить! Испанская империя, при всей своей мощи, дышит на ладан. Она колосс на глиняных ногах. Золото из колоний течет рекой, но все больше мимо казны. Филипп уже задолжал всем, кому только возможно. Доходы империи проданы на много лет вперед. А король не дует в ус. Он воюет во Франции, воюет в Тунисе, воюет в Голландии, воюет в колониях, воюет, пся крев, у себя в стране, выжигая всех, кто хоть что-нибудь в чем-нибудь смыслит. Может быть, испанцы, напившись до синих зайцев, его бы и свергли, а на трезвую голову – боятся. Так что, как бы слабо ни оборонялся Рейли, как бы мелко ни кусали испанца местные робингуды, для империи этого будет достаточно. Эта соломинка переломит спину верблюда. Испания попросту обанкротится, и вот тут-то начнется настоящая драка, поскольку каждый князек с дюжиной ландскнехтов будет стараться отгрызть кусок побольше да послаще – то-то бойня будет! Так что, ясновельможные паны, Елизавету необходимо вернуть на трон. Она – какой-никакой, но все же гарант стабильности.

– Ну что ж! – усмехнулся я. – Значит, теперь у нас есть четкая и понятная задача.

– А выбратся из этой ж..., пардон, темницы – это не конкретная задача? – буркнул Лис.

– Уже нет, – отозвался я. – Это лишь ее первый этап.

– Понятно, значит, остаемся в ж...

Глава 7

*Иногда вы едите акулу, иногда акула ест вас.
Надпись в японском ресторане*

Вопреки мрачным ожиданиям Лиса, после ужина пираты, спешно превращенные в придворную челядь, не бросили высокородных пленников в мрачные глубины затхлых казематов, пропахших крысами и прелой соломой убогих тюфяков. Нам были отведены вполне пристойные апартаменты, правда, довольно слабо меблированные, но зато охраняемые точно королевская сокровищница.

К удивлению оставшихся в Тауэре многочисленных слуг, французский принц королевской крови вполне непринужденно обошелся без помощи лакеев и отошел ко сну, напроочь игнорируя заведенный еще в дедовские времена церемониал. Более того, батистовая ночная рубашка и отделанный гентскими кружевами колпак так и остались не востребованными. Будто бы пристойно брату французского короля касаться грубых льняных простыней своим августейшим телом. Наверняка поведение высокого гостя утвердило чопорных островитян, моих земляков, в мысли, что французы, невзирая на титулы, абсолютные дикари и, уж конечно же, близок конец света. Иначе не стал бы принц вести себя столь возмутительно неподобающим образом.

Впрочем, все же не обошлось без напоминания о той прискорбной детали, что Тауэр – не только королевская резиденция, но и застенки. Едва лакеи, не подозревающие о языковых возможностях системы «Мастерлинг», а потому весьма прямо выражающие свое мнение по адресу невежи лягушатника, вынесли из спальни канделябры с недогоревшими свечами, как тут-то все и началось.

Сначала за меня принялись клопы, потом к ним присоединились блохи, и, как мне показалось, не только они. Я скоро пожалел, что не одолжил у Рейли полный доспех. Если залить сочленения оловом и дышать через трубочку, то ночное одеяние получается куда как более уместное, чем невесомая батистовая рубашка. Часа полтора я с остервенением крутился на пролежанной былыми обитателями тюремных покоев перине в тщетной надежде собственным телом передавить весь ничтожный кровососущий сброд. Пустая затея! За время странствий по временам и народам мне нечасто доводилось ночевать в столь отвратном месте. Разбитый наголову неисчислимым воинством гнусных паразитов, я, чертыхаясь, покинул окровавленную постель, ища спасения в бегстве. Сквозь старый потертый ковер ступни обожгло холодом, точно за окнами был не конец мая, а как минимум октябрь. От стен тянуло сыростью, и я, повинувшись исконно английскому принципу искать во всем положительную сторону, невольно возблагодарил Господа за то, что Рейли не разместил нас в башнях с окнами с видом на реку.

Я обвел спальню взором загнанного оленя, подбирая, во что бы завернуться, и с ужасом осознал, что единственную одежду – ту самую, в которой я был все эти дни, недоумевающие лакеи, пораженные скудностью моего гардероба, унесли с собою, чтобы хоть как-то привести в порядок. В конце концов, поминая в порядке старшинства все чертово семейство, мне удалось сорвать балдахин, красовавшийся над пыточным ложем, и, завернувшись в него, точно Цезарь в тогу, водрузиться на единственное в комнате кресло.

«Занятно, что скажут поутру слуги, застав французского принца в столь непотребном виде?!» – едва успел подумать я, как груз накопившейся усталости намертво запечатал веки, не оставляя сил для дальнейших размышлений.

Однако тревожился я зря. Хотя, признаться, честь дома Бурбонов была спасена весьма неожиданным образом. По старой привычке, приобретенной еще в годы службы в командос, просыпаться на самый малый нештатный шорох, сознание выбрасывало меня из сна в явь с

неумолимостью авиационной катапульты. Я мог спать как младенец под канонаду, но немедленно вскидывался, если со стола ни с того ни с сего падал листок бумаги. Так и произошло на этот раз. Шорох, разбудивший меня, не был ни крысиной возней, ни крадущимся шагом стражи, проверяющей, на месте ли драгоценный узник. На жесткую поступь посланного за моим скальпом наемного убийцы звук, приведший меня в состояние бодрствования, тоже не походил. Я приоткрыл глаза, спеша оценить обстановку, и, стараясь не шуметь, начал ощупывать импровизированный спальник, при случае имеющий шанс превратиться в единственное средство защиты.

У покинутого, давно остывшего ложа, чуть колыхаясь, точно на ветру, виднелась женская фигура. Белая накидка, наброшенная на ее плечи, казалась полупрозрачной и на просвет на фоне прильнувшей к окну тени лунного диска обрисовывала весьма стройное тело, правда, выглядевшее едва ли более плотным, чем ткань одеяния. Незвестная посетительница стояла ко мне спиной, позволяя любоваться длинной, что называется лебяжьей шеей и забранной вверх копной черных как смоль волос. Эта незамысловатая прическа казалась слишком простой для нынешнего времени. Да и темная нить, охватывающая шею полуночной гостьи, не шла ни в какое сравнение с приличными эпохе жемчужными ожерельями и золотыми, филигранной работы цепочками, популярными как на материке, так и здесь.

– Мое ложе залито кровью! – шепотом, но весьма драматическим шепотом, произнесла неизвестная так, что у меня даже мысли не возникло, будто незнакомка попросту впотьмах ошиблась дверью.

– Немудрено, – со своего насеста отозвался я, стараясь не слишком пугать неведомую прелестницу. – Проклятые клопы, знаете ли!

При звуке моих слов не по сезону одетая дама сделала попытку резко оглянуться и... Пожалуй, лучше бы она ее не делала. Голова таинственной гостьи, повинаясь законам физики, устремилась в мою сторону, точно выпущенная из пращи, чего нельзя было сказать обо всем остальном теле, которое, склонившись, начало шарить по полу руками в поисках бесценной пропажи. То, что я в потемках спросонья принял за шнурок нательного креста, на самом деле оказалось следом карающего меча!!! Вот уж спасибо старине Рейли! Вот удружил с номером люкс!

Подозреваю, что большая часть незадачливых постояльцев, открыв ночью глаза и увидев перед собой задумчивую девицу, теряющую голову по самому незначительному поводу, уже никогда не сомкнули бы очей. Так и нашли бы их утром – холодных, с открытыми глазами. В лучшем случае теплых, но перемежающих раскаты гомерического хохота с потоками горячих слез. Совсем недавно я лично наблюдал, какой эффект произвела на окружение покойного Генриха III группа тамплиерствующих призраков. Да что и говорить, у меня самого по всему телу забегали мурашки, должно быть, не набегавшиеся до полуночи. Но все же прививка против таких гостей у меня была.

Проведя значительную часть жизни в старинном замке Камвартон, уже более восьми веков принадлежащем Камдилам, я довольно часто общался с разнообразными неупокоенными духами. Впрочем, к их чести, невзирая на причины такового их положения, призраки нашего рода отличались вполне светским воспитанием. Ну, если, конечно, не считать забывчивую леди, разыскивающую среди книг замковой библиотеки рецепт вечной молодости, подаренный ей некогда графом Сен-Жерменом и заложенный тогда еще совсем юной кокеткой в один из многочисленных, если не сказать, неисчислимых фолиантов, аккуратно расставленных на полках трех библиотечных этажей.

Ну и, конечно, несносный буян Джеймс – неисправимый богохульник и отважнейший из сторонников Йорков во время войны Роз. Исколотый алебардами Королевских Йоменов, посланных Генрихом VII, чтобы схватить бешеного смутьяна, он продолжал крушить своим мечом направо и налево, пока последнее дыхание не оставило его. Никто точно не мог сказать,

какими же были прощальные слова моего предка, но все в один голос утверждали, что, услышав их, святой Петр не только был обязан забаррикадироваться в своей сторожке, но и подпереть райские ворота дюжиной увесистых бревен. Не желая смириться с безвременной кончиной, буян Джеймс, шестой лорд Камвартон, время от времени любил пройтись по анфиладам замка, потрясая двуручным мечом и производя в помещениях давным-давно перестроенного родового гнезда ужасный бедлам.

Впрочем, для потомков он был безопасен. Встретив кого-нибудь из них, он останавливался и, гордо опираясь на грозное оружие, разражался долгой пламенной речью, в которой воззвания к чести и доблести перемежались такой несусветной бранью, что, вероятно, даже преисподняя отказала неистовому потомку вестфольдских королей в подданстве. Отведя неприкаемую душу, лорд Джеймс исчезал – когда на полгода, когда и на год.

С гостями было сложнее. Каждый посетитель должен был крепко-накрепко запомнить, что, увидев несущегося по коридору окровавленного бородача с двуручником, следует не падать в обморок, и уж тем более не пускаться наутек, а орать во все горло, что ты сторонник Йорков, и прочую галиматью типа «Вперед, белый вперед! Порви их в клочья!». И еще боевой клич Камдилов: «Нет преград!» Увы, с этой несложной задачей, как показала практика, справлялись не все.

Так что кое-какой опыт общения с призраками, отваливаясь у них голова или нет, у меня имелся. И где-то впереди маячила перспектива после ухода на заслуженный отдых заняться созданием наставления по продуктивному и сравнительно безопасному общению с неупоконными душами. Конечно, если до того моя собственная душа не присоединится к их числу в одном из многих сопредельных миров.

Между тем потерявшая голову дама, осознав, что она не одна в опочивальне, должно быть, из врожденной стыдливости предприняла отчаянную попытку оказать психическое воздействие на бесстыжего нахала – то бишь на меня. Она увеличилась в размерах раза в три и одновременно заклацала зубами валяющейся головы, вместе с тем пытаясь все же нащарить потерянное лицо, ибо стыдливость стыдливостью, но появляться перед кавалером с неприкрытой шеей не пристало истинной леди. Даже после смерти.

– Мадам, мадам! – вжимаясь в спинку кресла, предупредил я. – Сейчас я начну креститься и призывать на выручку всех бодрствующих в это время святых. А если это не поможет, перебуду всех лондонских петухов своими воплями – и вы сами понимаете, чем все это кончится!

Разгневанная хозяйка окровавленного ложа, то ли под влиянием моих нелепых угроз, то ли по причинам и вовсе неведомым, приняла обычные размеры столь же быстро, как и разрослась.

– Так-то лучше! – себе под нос пробормотал я. – Мадам, ваша голова в трех шагах левее. Идите, ориентируясь на скрежет зубовой.

Произнеся последние слова, я сообразил, что сморозил глупость, потому как тяжело прислушиваться к лязгу зубов, когда собственные уши находятся на искомом предмете. Впрочем, вскоре голова была найдена и водружена на место. Правда, перед тем, как явиться мне во всей красе, незнакомка старательно и долго поправляла сбившуюся прическу, но, в сущности, это был добрый признак. Вряд ли бы она уделила такое внимание своей внешности, когда бы планировала расправиться с нескромным кавалером тотчас по обретении головы.

– О, несчастный! Что ты делаешь в этой обители слез?! – наконец получив обратно право голоса, взвыла дама, как и положено, замогильным голосом.

– До вашего визита пытался спать, – нехотя сознался я.

– Несчастный! – с традиционным подвыванием вновь возопила ночная гостья. – Поведай, в чем вина твоя! За что суждено тебе оросить кровью камни Тайберна?!

– Да в общем-то ни за что, – пожал плечами я.

– Все так говорят! Не криви душой! – настаивала хозяйка продавленной перины. – Ведь скоро мы с тобой станем равными и будем вечно плясать в бесконечном хороводе безжизненных обитателей Тауэра.

– Да ну что вы, что вы! Я же просто ночую здесь.

– Назови свое имя, незнакомец! – воспаряя к потолку, потребовала голосистая участница хоровода теней.

– Шарль де Бурбон, герцог де Бомон, – не заставляя себя долго упрашивать, соврал я.

– Бурбон?! – несколько раз озадаченно повторило привидение. – Стало быть, ты француз.

– В некотором роде, – попытался я уклониться от ответа.

– Выходит, мой муж вновь начал войну с Францией?

– Я бы не стал это утверждать, мадам. Впрочем, мне неизвестно, кто имеет честь быть вашим мужем.

– О, я несчастная, покинутая жена – брошенная и поруганная! – Дама в экстазе вцепилась в свои роскошные кудри, но лишь вновь снесла голову с плеч. – Волей этого тирана я лишена жизни и всего того, что так любила! Я – Анна Болейн, безутешная жена жестокосердного короля Англии Генриха VIII!

Отсеченная голова королевы вернулась к месту своего обычного пребывания, и спальня огласилась стонами, воплями и рыданиями так, точно казненная сволочным муженьком красавица решила воспользоваться случаем всласть поплакать на собственных похоронах.

– Кхм! Мадам, может, вас это утешит, – попытался я хоть как-то успокоить казненную, – но ваш муж давным-давно мертв.

– Да ну?! – прекращая оглашать комнату утробным воем, обрадовалась Анна Болейн. – А от чего он умер?

– От ожирения, мадам. Последние годы своей жизни он был настолько тучен, что его приходилось возить на специальной тележке.

– Грязный боров! – нежно проворковала первая маркиза Дорсет. – А ведь я говорила ему, чем закончится его обжорство! Я предупреждала! А кто же сейчас правит страной? – полюбопытствовала она, теряя интерес к жалкой участи бывшего супруга.

– До сегодняшнего дня, сударыня, Британией правила ваша дочь.

Точно в подтверждение моих слов где-то далеко, должно быть, в предместье, заорал первый, встревоженный предчувствием зари петух.

– Моя дочь – королева? – скороговоркой выпалила Анна Болейн.

– Была таковой, – в тон ей ответил я. – Вчера ее свергли.

Второй петух, точно ревнуя к успеху первого, во всю глотку возвестил начало нового дня.

– Она здесь, в Тауэре, – частил я.

– Это все Филадельф...

Последняя фраза обезглавленной королевы показалась мне незаконченной, но никакой возможности уточнить смысл слов ночной гостьи не было. Призрак растаял на глазах, потревоженный рассветным лучом, ненароком скользнувшим по кованому плетению оконной решетки. А вслед за этим – новый петушиный крик, радостный, точно вопль «Земля!» после месяцев морских скитаний, разорвал тишину серого лондонского утра, подводя черту под моим ночным приключением.

Надеюсь, прислуге, беззаботно дрыхнувшей все то время, пока знатный пленник терзался клопами и призраками, давненько не приходилось вставать в этакую рань. Я с нескрываемым злорадством наблюдал, как переполошенные неурочным пробуждением «чертового француза» полулакеи, они же полутюремщики, бегали, подгоняемые отборной руганью и угрозами на всех языках Атлантического побережья. На сей раз я не стал манкировать светскими обязанно-

стями, и церемониал утреннего подъема испортил челяди крови не меньше, чем мне – ночные паразиты.

– Шпагу! – скомандовал я, оглядев себя в принесенном услужливыми клевретами венецианском зеркале.

– Но, сир! – на ужасном ломаном французском отозвался верзила голландец, выполнявший роль начальника моего конвоя и потому удостоенный неслыханной чести подавать шляпу принцу крови. – Шпага не есть вас разрешать!

– Чушь! Чушь! – небрежно отмахнулся я. – Я желаю упражняться в фехтовании. Извольте подать мне шпагу! Вы составите мне компанию.

– Мэтр Рейли не велеть! – ошарашенно затряс головой вчерашний абордажник, в глубине души явно содрогающийся от мысли, что перечит настоящему принцу.

– Какого черта! Ну-ка, беги к Уолтеру да растолкуй ему, что я в гневе и требую шпагу!

Глаза начальника стражи стали круглыми, точно новенький гульден. Никогда прежде ему не доводилось охранять столь знатную персону, и теперь потомок рыбарей и мукомолов даже представить себе не мог, как следует поступить. Ну уж точно из-за прихоти взбалмошного француза будить улегшегося под утро правителя Англии он не собирался. Вообще же сказать, роль вздорного, придирчивого, капризного вельможи довольно удобна, когда необходимо заставить согладатаев в ливреях держаться подальше. Как гласит старая военная мудрость: любая кривая вокруг командира значительно короче прямой около него.

– Ступайте! – брезгливо морщась, скомандовал я.

– Это есть ноо! – пробасил переполошенный страж.

– Не желаю слушать! И пришлите ко мне шевалье д’Орбиньяка. Да, вот еще что: велите оседлать лошадь, а лучше – двух. Мы с месье д’Орбиньяком желаем прогуляться.

– Это не есть возможно! – Абордажник развел руками, часто моргая в безнадежной попытке выйти из мыслительного ступора.

– Ступай прочь, каналья! – в притворной ярости взорвался я, вырывая из рук начальника конвоя отороченный соболым мехом бархатный берет и круша им содержимое принесенного куафером столика с благовониями и ароматическими притираниями. – Все ступайте прочь! Вон!

Драгоценные хрустальные пузырьки и баночки из резной кости с обреченным звоном посыпались на пол, превращая совершенное создание неизвестных мастеров в кучу бессмысленных осколков и наполняя сырую затхлую атмосферу тюремных покоев непередаваемой какофонией тончайших ароматов.

Мое двойственное положение то ли узника, то ли гостя пока еще позволяло этикие фокусы. Конечно, с сегодняшнего утра в Тауэре за мной вполне могла закрепиться слава несносного самодура, но я не собирался здесь задерживаться, а потому не слишком дорожил мнением приставленных ко мне шпииков. Во всяком случае, теперь эта братия будет стараться держаться подальше от гневливого вельможи, хотя бы из чистого инстинкта самосохранения.

– Коня оседлайте! – В спину ретирующейся челяди полетел кувшин с остатками теплой воды для мытья. – И извольте здесь прибраться! Развели кабак!

Едва последний из лакеев скрылся за дверью моей благоустроенной камеры, я удовлетворенно потянулся, не в силах скрыть победоносную улыбку. Надеюсь, переливистые раскаты моего хорошо поставленного, командирского голоса перебудили если не всех, кто нынче находился в Тауэре, то уж, во всяком случае, обитателей этой чертовой башни. Посмотрим, как им понравилась эта милая шалость! Если все будет хорошо, можно будет перейти к настоящей психической атаке. Чтобы стражу при одном упоминании моего имени начинала бить нервная дрожь, переходящая в неизлечимую икоту.

Охранники у лестницы, ведущей во двор, как я и рассчитывал, не получили четких и однозначных инструкций по поводу французского принца, содержащегося под охраной. Им

просто не от кого и некогда было их получить. Пир окончился далеко за полночь, а после пивший наравне с остальными лордами Рейли вряд ли был способен отдавать внятные команды. А потому во взглядах алебардиров читалось явное нежелание выпускать высокого гостя из его апартаментов и в то же время боязнь наломать дров в тонкой, недоступной их пониманию игре грозного лорда-протектора.

– Что это значит? – досадливо осведомился я, смеривая взглядом скрещенные алебарды. – Я что же – арестован?

Караульные, озадаченные этим вопросом, перевели взгляд с меня на подоспевшего капрала, точно этот полубог воинской рати мог быть посвящен в замыслы новоявленного вершителя судеб Британии. Этот короткий взгляд стоил каждому из них по звонкой оплеухе и очередной нервической вспышке августейшего мерзавца.

– Я велю отвечать! Негодяи! Я что же – пленник?! Кем же из вас я пленен?! Ублюдки! Грязные твари!

Я усилием воли остановил поток неистовой ругани, потому как титул титулом, а окажется какой-нибудь такой цербер чересчур обидчивым, ткнет алебардой в горло – и вся недолга! Что уж с ним дальше будет – это дело второе. Мне от этого легче не станет.

– Я отправляюсь во двор крепости дышать утренним воздухом. Если желаете, можете идти следом. Но только не смейте дышать мне в спину! Псы!

Мой гнев без видимых причин сменился на милость, демонстрируя ошеломленным конвоирам переменчивость настроений вельможного сумасброда.

– Да-да, я велю вам сопровождать меня. Но не ближе чем в десяти шагах за спиной! А вы, – напустился я на капрала, – ступайте к тому мерзавцу, который утром держал мою шляпу. Пусть поторопится оседлать коней для прогулки!

Хотел бы я посмотреть на несчастного вояку, который пытается добиться у замордованных истерикой лакеев, кто нынче утром был удостоен высокой чести подносить головной убор нашему высочеству. Но, увы, увы! Ни он, ни его начальник старались не попасться мне на глаза. И, надо сказать, успешно с этим справились. Понурые алебардиры тащились позади гордо вышагивавшего по крепостному плацу светского льва. Я же, стараясь поддерживать скупающе-брезгливый вид, напряженно вымеривал шагами расстояние от башни до башни, поновому глядя на знакомые с детства стены и выискивая небрежно скупающим взглядом малейшую лазейку из этой огромной западни.

Первые наблюдения были малоутешительными, но ведь это было лишь только начало. К тому же еще не изволил встать с постели шевалье д'Орбиньяк, вчера вечером принявший, пожалуй, чересчур активное участие в борьбе с горячительными напитками. А изворотливости и остроте глаз этого отпетого кулинару мог позавидовать весь списочный состав заключенных Ньюгейтской тюрьмы. Я вышагивал от Кирпичной башни к Кремниевой, невольно вспоминая Музей пыточного инвентаря, устроенный спустя четыре века в этих стенах, и мысли, поутреннему затуманенные в отсутствие кофе, получив увесистого пинка от всплывших в голове «живописных картин» всевозможных измышательства над человеком, припустились вскачь.

«Надо добиться перевода из Тауэра. Может, организовать здесь пожар? Или объявить, что, по секретным сведениям, испанцы в ближайшие дни готовы напасть на Лондон? Сработал же этот трюк на палубе адмиральского галеона! Только вот надо продумать, откуда я получил эту конфиденциальную информацию».

– Милорд! – послышался позади меня приятный женский голос с неистребимым валлийским акцентом. – А правда, что вы – король Франции?

Я обернулся, чтобы в выбранной надменной манере отчитать невежу, смеющую столь непочтительно обращаться к целому нашему высочеству. Обернулся и передумал. Позади меня, в окружении важных, точно лорды у входа в парламент, воронов, стояла весьма миловидная особа лет двадцати—двадцати двух с ведерком, наполненным королевскими подачками

голосистым, точь-в-точь все те же лорды, птицам. Девушка бросала им кусочки мяса и улыбалась. И для меня, понятное дело, как для истинного француза, этой улыбки было достаточно, чтобы обезоружить целую армию. Но и на взгляд англичанина, девица была весьма недурна собою.

– О нет! – Я улыбнулся в ответ и покачал головой. – Я не король, я лишь его брат – герцог де Бомон.

Весь мой маскарад пошел прахом. Но отчего-то я абсолютно не жалел о том.

– А вы кто, дитя мое?

– Я – Олуэн Дэвидс, дочь Дэвида ап Райса. – Девушка сыпанула воронам мясных обрезков. – А это хозяйство моего отца. Мунин, Хьюги, Уин. – Она тыкала пальцем в лакомящихся дармовщиной гордых птиц. – Пока эти обжоры здесь, в стенах Тауэра, никто не сможет победить Англию!

– Да, мне доводилось слышать эту легенду, – с усмешкой признался я.

– Это не легенда! Это так и есть! – с упрямой валлийской ноткой в голосе возмутилась Олуэн Дэвидс. – Это очень древнее предсказание.

– Ну конечно. – Я невольно улыбнулся, глядя на моментально посерьезневшую девушку, и та вновь озарила лицо неподражаемо светлой улыбкой. – А все же жаль, милорд, что вы не король!

– Почему? – удивился я.

– Будь вы королем, казна бы отпускала на ваше содержание десять фунтов в неделю, а так – только пять. Но может быть, вам все же нужна хорошая стряпуха? Клянусь небом, я отлично готовлю! Вот хоть у отца моего спросите или дядюшку Филадельфа.

– Кого? – Я удивленно застыл на месте.

– Лорда Эгмота! – охотно пояснила мисс Дэвидс. – Недорого, милорд! Всего шиллинг в неделю!

– Мессир! Мессир! – Нашу содержательную беседу прервал крик юнги с «Дерзновения», одним поворотом фортуны превратившегося в пажа лорда-протектора. – Капитан Рейли просит вас оказать ему честь своим присутствием!

Глава 8

*Храбрость – сильнейшее желание жить, принявшее форму
готовности умереть.*
Гилберт Честертон

К моему величайшему удивлению, лорд-протектор Англии и Шотландии и не думал спать в такую рань. Сложно сказать, вскочил ли он с постели в то самое время, когда я вел содержательную беседу с матушкой свергнутой королевы, или же не ложился вовсе. Но почти ничего не говорило ни об усталости, ни о вчерашней разгульной вечеринке. Пожалуй, только тени, залегшие под глазами, робко намекали на то, что груз монаршего венца уже начал давить на бесшабашную голову искателя приключений. Но тут уж воистину – ищущий да обрящет! Как по мне, то надо либо совсем не представлять себе тяготы и лишения королевской жизни, либо уж самым провидением быть предназначенным отвечать за все невзгоды и неурядицы державы. Вряд ли жизнь в музее и участие в торжественных процессиях в качестве ряженой куклы может служить достойным воздаянием за святую обязанность быть лично ответственным за все и виновным в любом чихе. Впрочем, каждому свое! Рейли сделал выбор, и, судя по успешности предприятия, вполне сознательно. Однако тени под глазами были всего лишь следом первого дня правления.

– Рад, что не разбудил вас, мессир! – склоняя голову, насколько это позволял горжет стального панциря, приветствовал старого боевого товарища лорд-протектор. – Как спалось?

– Благодарю, отвратительно, – буркнул я, не вдаваясь в объяснения, что, собственно, омрачало мой сон. – Велите сменить перину и окурить ее полынью.

– Я распоряжусь, – согласно кивнул Рейли.

– И пусть пропитают белье лавандовым маслом, – ворчливо бросил я.

– Непременно. – Губы Рейли сложились в любезную улыбку, но взгляд темных кельтских глаз остался все таким же испытующе холодным. – Мне доложили – утром вы требовали шпагу и коня?

– Да, черт возьми! – Я резко возвысил голос. – По какому праву жалкий удильщик сельди отказывает принцу в праве ношения оружия?! Если вы и впрямь считаете меня пленником, будьте любезны сообщить условия моего содержания, размер выкупа! Я, слава богу, не жалкий дворянчик из судейской братии! Я принц крови, брат законного короля Наварры и будущего правителя Франции!

– Ну конечно, конечно! Кто с этим спорит! Впрочем, король, ваш брат, пока владеет лишь той землей, на которой в данный момент находятся его ступни. Но если он и впрямь похож на вас, сир, то я верю, что скоро он действительно займет подобающее по рождению место. Но я не об этом. Вы требовали коня и оружие? Я готов вам их предоставить.

– Вот как? – протянул я несколько удивленно.

– Ну да. – Рейли вновь склонил голову, точно любясь широким кружевным воротником, ниспадающим из горжета на стальные полированные плечи. – Более того, я настаиваю, чтобы вы снова взяли в руки оружие.

Признаться, такой поворот меня несколько озадачил. Конечно, в крепости, переполненной вооруженным сбродом, для меня не составляло особой проблемы разжиться будь-то шпагой или же парой пистолетов. При необходимости перебить и разоружить ночной конвой у дверей покоев было бы делом полуминуты. Уверен, Рейли прекрасно осознавал это. Как и то, что принц крови не станет рисковать жизнью, пытаясь совершить побег, если на такое действие у королевского отпрыска не будет крайне веских причин. Однако требование лорда-протектора

принять оружие вряд ли можно было считать простой вежливостью, принятой в обращении с почетными заложниками.

– Что-то произошло, Уолтер? – настороженно осведомился я.

– Увы! – нахмурился властитель Тауэра, нервно прохаживаясь по уже знакомым мне покоям в доме констебля. – Я бы рад сказать, что все хорошо, но это не так. А потому вынужден просить вас о помощи.

– Вот как? – Я удивленно поднял брови. – В чем же дело? Что стряслось?

Рейли поморщился, точно слова, которые он намеревался произнести, были смазаны рвотным зельем.

– Со вчерашней ночи положение осложнилось. К Лондону стягиваются толпы всякого сброда от границ Уэльса. Пробираясь лесами, сюда сползаются разбойничьи банды, намеревающиеся славно пожить, когда из города побегут сторонники Елизаветы. – Лорд-протектор шагал по неширокой зале от стены к стене, мерно, точно забивая гвозди, чекана каждое слово. – Столица почти в кольце!

Я глядел на оратора, невольно усмехаясь. Конечно, можно было бы предположить, что Рейли крайне раздосадован внезапным нашествием разбойников на лондонские предместья и, возможно, молодой Шарль де Бурбон, существуй он в реальности, вполне бы проникся негодованием боевого товарища. Но я все же не первый раз имел дело с хитрецами вроде моего собеседника.

– Нынче утром пришли дурные вести. Вчера к вечеру немалое число людей всякого звания поспешило унести ноги из Лондона, опасаясь наступления смутного времени. Поутру многих из них нашли убитыми и ограбленными близ дорог, ведущих на север. Некоторые исчезли вовсе.

– Какое горе! – покачал головой я.

– О да! – Рейли остановился и уверенным жестом положил руку на эфес шпаги. – И как лорд-протектор королевства, я не намерен терпеть столь дерзкого злодейства!

Вот в это я охотно верил. То, что входило в планы пирата-узурпатора, отнюдь не входило в планы самовластного правителя. Ясно как дважды два, что набор охотников пострелять на лондонских улицах, организованный по заказу негодующего ныне ставленника Марии Стюарт, наверняка растревожил бандитствующее население валлийского приграничья. Я бы не удивился, выяснив, что люди Грэнвилла не только вербовали наемников, желающих поквитаться с англичанами за сам факт их существования, но и понемногу, по крупинке распространяли слух о том, что вскоре в окрестностях Лондона начнется пора богатого улова. И главное, что у лорда-мэра не будет ни сил, ни возможностей заняться развешиванием разбойной братии вдоль дорог.

Ожидание разбойной братии вполне оправдались. Толпы сторонников низложенной королевы, в основном купцы и джентри,¹⁹ прихватив самое ценное, ринулись вон из города. Бедолаги! На пути их ожидали засады, и я не удивлюсь, если большинство вероятных банкиров и вождей сопротивления Стюартам потеряли головы и сбережения этой ночью.

Дальше все было расписано как по нотам. Ужаснувшиеся кровавому разгулу лондонцы бегут за помощью к лорду-протектору. Тот успешно громит валлийских смутьянов и получает от благодарного народа титул спасителя Лондона. Затем никчемная суeta с выборами нового короля, трескотня пустопорожних речей и, в конце концов, триумфальный въезд Уолтера I в Кентерберийское аббатство, чтобы с блеском повторить виденный в Реймсе обряд коронации...

Судя по всему, мне в этой очаровательной трагедии отводилась роль главного носильщика рояля для оркестра. Во всяком случае, до поры до времени.

¹⁹ Джентри – в Англии мелкое дворянство.

– Я понимаю, мессир, – продолжал искренним, дрожащим от волнения голосом Рейли, – что весьма странно и, быть может, нелепо, просить вас, француза, помочь мне, англичанину, спасти Лондон, спасти Британию. Но у меня нет иного выбора.

Рука лорда-протектора опустилась на карту Англии, расстеленную поверх разбросанных по столешнице исчерканных бумаг. Опустилась, точно закрывая центр королевства от нависшей угрозы.

– Иного выхода у меня нет. Конечно, бандитские шайки – не та сила, которая способна переломить хребет британским леопардам, но подумайте, сколько крови прольется, покуда власть юного короля или же иного правителя, которого изберет народ, окрепнет, чтобы расправиться с этой гнойной язвой бесчинства и разбоя.

Разошедшийся не на шутку узурпатор продолжал гневно клеймить притаившихся врагов революции, когда на канале связи, внося струю оптимизма в поток грозных обличений, появился наконец проснувшийся Лис.

– О, Капитан! У вас тут междусобойчик? А почему без пива?

– Сережа, какое пиво?! – возмутился я. – Во-первых, я его не люблю, а во-вторых, Рейли, как видишь, репетирует проникновенную речь для сегодняшнего выступления в палате лордов.

– А, в этом смысле! – протянул Лис. – И чем страшает?

– Потоками крови и реками слез.

– Ну, это понятно. Всех убью, один останусь!

– Нет, совсем даже наоборот. Стенания замученного бандитами отечества не дают уснуть.

– Во как! И че ему надо?

– Вероятно, чтобы я возглавил карательную операцию.

– Неслабая затея! И шо ты?

– Понятное дело, соглашусь! Как уж там с разбойниками будет – посмотрим. Но иметь под рукой хотя бы небольшое войско куда лучше, чем любоваться Лондоном через зарешеченное окно и по ночам беседовать с призраками.

– Оба-на! Что, и тебя сегодня глючило? А я думал, это только меня после ерша перемкнуло! Прикидываешь: сплю, никого не трогаю. Слышу – кто-то над ухом шасть-шасть. Глаз приоткрыл – сидит на койке голый мужик – рваный, шо из-под газонокосилки! Ну, подумал, шо он того... Ну, сам понимаешь! Навернул подушкой. Так прикидываешь... От нее только перья полетели – точно граната рванула. Но крендель этот, не будь дурак, в стену уперся и растаял, шо то эскимо! Даже палочки не оставил!

– Ты не уточнил, кто это был? – поспешил спросить я, удивленный засильем призраков в стенах Тауэра.

– Ага! Глупый его нюхал. Щас все брошу – стану у голых рваных мужиков визитные карточки спрашивать. Да он вообще токо стонал и шо-то на итальянском про Филадельфию спрашивал. Ты, часом, не знаешь, шо у них там в Филадельфии за непруха такая, шо ихний жмур аж сюда приперся?!

– Лис, постарайся вспомнить – призрак называл имя Филадельф?

– Ну а я шо говорю?

– Не важно. А что именно он рассказывал?

– Капитан, постыдись! Если бы ты вчера выпил столько, сколько я, я бы тебе таких глупых вопросов не задавал! А в чем, собственно, проблема?

– Затрудняюсь тебе ответить, – нехотя сознался я. – Но, согласись, если два призрака, находящиеся в весьма плачевном состоянии, в один голос поминают некоего Филадельфа, то это что-то да значит!

– Может это палач, который их закатывав? – немедля выдвинул смелую версию д'Орбиньяк. – Вот они его и клянут со страшной нечеловеческой силой!

– Нет, вряд ли, – усомнился я. – Во-первых, уж не знаю, кто там был сегодня у тебя, а меня осчастливила своим визитом несравненная при жизни леди Анна Болейн.

– Не, ну это какая-то дискриминация! – не замедлил возмутиться Лис. – Почему даже здесь тебе достаются прекрасные бабы, а мне – драные мужики! Будешь с ней общаться в следующий раз, скажи, пусть для меня подружку прихватит!

– Угомонись, Сергей! – досадливо оборвал я не в меру развеселившегося друга. – Не забывай, все они приняли мученическую смерть!

– А мы пока нет, – парировал Лис. – И не надо ускорять процесс. В горле сдержите стоны!

Спорить с ним было бессмысленно, а потому я пропустил мимо ушей его слова и продолжал:

– Так вот, Анну Болейн казнил специальный палач, выписанный из Франции. Стало быть, непосредственно к расправе Филадельф отношения не имеет.

– Из чего это следует?

– По моим сведениям, нашего таинственного незнакомца следовало бы называть лорд Эгмонт. Он англичанин, а кроме того, лорд. И потому уж никак не палач. И поскольку одна весьма прелестная особа именует его дядюшкой Филадельфом, приводя в свидетели своего кулинарного искусства, то получается, что он жив, вероятно, здоров и, несомненно, проживает в Тауэре.

– Охрнительно! – поздравил меня Лис. – И шо это нам дает?

– Пока не знаю. Но, вероятно, что-то в этом есть.

– Или да, или нет, или может быть, – с сомнением вздохнул Рейнар. – Эти дохлые, они, знаешь, такие затейники... Делать нечего, вот и тарахтят шо попало!

– ...и хотя в моих силах предложить вам не более трех сотен городской милиции, да сотни полторы ваших соотечественников-гугенотов, верю, что в руках столь опытного военачальника даже это крошечное войско станет неодолимой силой!

– Защищем гидру мирового терроризма в ее логове! – цветисто, но довольно точно прокомментировал услышанное Лис.

Три сотни солдат городского ополчения, обещанные Рейли, на поверку оказались лишь семью десятками обряженных в кирасы цеховых подмастерьев, имеющих понятие о военном деле едва ли большее, чем я в варке пива и в выделке кожи. Выставленные мастерским произволом для несения военной службы, они глядели на чужестранного командира со смешанным чувством страха и угрюмой досады. Наверняка им уже виделось, как проклятый француз будет устилать их телами прогалины лесных чащоб, ожидая, когда в колчанах босоногих валлийских лучников закончатся стрелы.

Насколько я мог видеть, так думали не только они, но и цеховые старшины. Не имея мужества отказать в поддержке скорому на расправу лорду-протектору, все эти седельщики, перчаточники и прочие аптекари старательно подбирали в ряды моего войска тех, поминки по ком не будут чересчур печальны. Ловить с таким отрядом разбойничьи шайки, быть может, плохо организованные и слабо вооруженные, но все же за много поколений достигшие высокого искусства в своем ремесле, было чистейшей воды самоубийством.

То ли дело мои «соплеменники» гугеноты! Их действительно было чуть более полутора роста человек – опаленных войной рубак, по большей части оказавшихся в Англии после захвата французами Кале. Многие из них сражались еще под командованием адмирала Колиньи и знали в лицо моего «братца». А потому были весьма удивлены, узрев Наваррца здесь, на острове, в тот час, когда сами отчаянные храбрецы намеревались вернуться на родину, чтобы стать под знамена славного короля Генриха IV. Понятное дело, мне пришлось произнести речь,

чтобы хоть как-то объяснить этому траурному воинству и свое пребывание в туманном Альбионе, и наши ближайшие задачи.

Но что, в сущности, я мог им сказать? Что узурпатору лестно осознавать присутствие в свите французского принца? Что, ощущая шаткость положения, Рейли желает собрать вокруг меня, как вокруг магнита, здешних французов и поставить их себе на службу? Что он, возможно, планирует использовать близнеца короля-гугенота как фигуру в большой игре с Францией или же, наоборот, против нее? Не думаю, чтобы подобные объяснения вдохнули в души протестантов желание сражаться под руководством вельможной куклы опасного выскочки. Но уж сообщать им, что институтское начальство в ином, довольно сходном мире пожелало вернуть на престол свергнутую королеву руками парочки оперативников, попавших в самую гущу событий, точно кур во щи, и подавно было невозможно. И все же в предстоящем деле вся надежда была на этих мрачных бородачей да на шевалье Сержа Рейнара л'Арсо д'Орбиньяка, более известного как Лис.

Признаюсь, вытребовать его у Рейли было делом весьма не простым. Услышав, что я коварно желаю лишить наместника королевства столь ценного специалиста, «ревностный блюститель законности» едва не впал в истерику. Лишь заверения моего напарника, «шо все будет пучком и ему как раз надо присмотреть земельку под посевы», заставили Уолтера уступить мне моего собственного «офицера по особо тяжким» во временное пользование. Впрочем, скорее всего дело было в другом. Хитроумному ловцу удачи во что бы то ни стало надо было показать наличие за ним неких таинственных сил, и моя поддержка в этой аванюре ему была весьма на руку. А ради этого он готов был наступить на горло собственной песне. Не сильно, конечно. Так – легким касанием!

На следующее утро по лесной дороге на гнедом ирландском жеребце, покрытом зеленой бархатной попоной с золотыми кистями, ехал долговязый худощавый дворянин. Миланская кираса, в которую он был облачен, радостно пускала солнечные зайчики, едва лишь лучи, пробившись сквозь нависшую над дорогой листву деревьев, падали на полированную сталь. Каштановые волосы кавалера были забраны под тонкий серебряный обруч, маскировавший единственную седую прядь. Зеленые глаза его светились неизбывной врожденной хитростью, едва скрытой маской беспечности, а переносица, напоминавшая, в силу жизненных передряг, латинскую букву «S», недвусмысленно свидетельствовала, что сей достойный образчик мужественной красоты вряд ли блистает в кругу придворных щеголей. Впрочем, насколько мне было известно, кривизна переносицы никогда не мешала Лису – а это был именно он – держать нос по ветру.

Когда еще был я зелен и мал, —

горланил д'Орбиньяк во всю мощь луженой глотки, —

Лей, ливень, всю ночь напролет,
Любую проделку я шуткой считал.
А дождь себе льет да льет!

Быстроногий ирландский скакун, прядяющий ушами в такт Лисовским руладам, шел неспешной рысью так, словно его хозяин выехал в лес полюбоваться весенней природой. Поводья были небрежно обмотаны вокруг передней луки боевого седла, оставляя руки всадника свободными, и, надо сказать, он весьма необычным образом пользовался этой самой свободой, подбрасывая и ловя на лету блестящую золотую монетку. Кошелек с точно такими же блестящими кругляшами красовался у него на поясе, точно демонстрируя склонность беспечного

кавалера к негданной благотворительности. Еще бы! За последние дни проезжий тракт, по которому рысил д'Орбиньяк, приобрел среди лондонцев весьма дурную славу. Разрозненные шайки валлийских головорезов всего за считанные дни собрали здесь столь богатую жатву, что в родном приграничье каждый из них мог считаться настоящим толстосумом. Стоит ли говорить, что если для бывших хозяев награбленные ценности больше не представляли интереса, то лорд-протектор королевства считал их своей законной добычей и вовсе не горел желанием оставлять разбойникам честно награбленное.

Правда, несмотря на это, даже кошелек на поясе у Рейнара был выделен едва ли не специальным решением палаты общин. Но все же он был. И, как я настаивал, содержимое его составляли не медяки, не шиллинги, а самые что ни на есть настоящие золотые фунты. Ровно сто штук. Целое состояние по этим временам! Четырехлетний доход средней руки эсквайра.

Пусть годы меня уложили в постель,
Лей, ливень, всю ночь напролет.
Из старого дурня не выбьете хмель,
А дождь себе льет да льет! —

выпевал Лис, украдкой поглядывая по сторонам, по заросшим бузиной обочинам, где, по логике вещей, должна была таиться засада.

И все же, вопреки ожиданиям, ни свирепые валлийцы, ни их не менее душевные британские собратья не спешили преградить дорогу золотоносному певуну.

«Может, они днем отсыпаются?» — напряженно думал я, созерцая непривычные лесистые пейзажи лондонского графства глазами Рейнара. Уже к началу восемнадцатого века от этих непролазных чащоб не оставалось даже воспоминаний. Все эти леса сгорели в каминах Лондона, обратившись в смог. Однако сейчас он вполне подходил для засады, но, похоже, кроме меня, об этом никто не заботился. Лис преспокойно одолевал милю за милей, демонстрируя всем желающим туго набитый кошель и золотую монету, то и дело заманчиво кувыркаяющуюся в воздухе.

«Должно быть, у разбойников есть осведомитель среди людей ведомства лорда-мэра», — тревожно проносилось в голове. «Да нет, не может быть, — успокаивал я сам себя. — Банд на дороге много, но все они — человек пять, от силы десять. Более крупный отряд даже в чащобе незаметно разместить сложно. Хочешь не хочешь — следы останутся. А по следам с собаками не только на лис охотиться можно. Англичане — известные собачники, и доброта их ведома! Им что медведя травить, что валлийского разбойника — разницы никакой! Но суть не в этом. Шаяк на дороге много, а вот связь между ними наверняка не ахти какая. Бандиты все же, а не партизанская армия! Стало быть, всех не оповестишь. Кто-то на приманку да купится!»

Мне невольно вспомнилась беседа с лордом-мэром, принесшим в Тауэр требуемые сто фунтов. Все время разговора он прижимал к груди кошелек, точно мы с Рейли, подобно озверевшим от долгого поста каннибалам, пытались оторвать и съесть лакомый кусок от самого старшины городских лавочников.

— А если они убьют вашего человека? Ведь золото попадет к этим нечестивым кровопийцам! — едва не рыдал затянутый в шелк и атлас торгаш.

— Если они убьют моего человека, — проникновенно, почти ласково вещал недавний корсар, пристально глядя на красную бычью шею лорда-мэра, выглядывавшую из жабо, — то в приграничье не останется живой души, способной поведать причину случившегося там избиения, и царь Ирод с его младенцами покажется невинным проказником по сравнению с тем, что там учиню я!

— Но ведь целых сто фунтов! — не унимался раззолоченный торговец.

– Дьяволово копыто! – Между бровей Рейли залегла жесткая складка. – Скажите, милейший, вам никто не говорил, что на блюде из кружев столь замечательная голова смотрится хуже, чем, скажем, на серебре?

– Нет, – пролепетал догадливый в силу занимаемой должности вельможа.

– Тогда я буду первым. Гони деньги, старый дуралей, и не смей мне перечить! – разрасстаясь на глазах, точно ночной призрак, прорычал лорд-протектор. – Я спасаю Лондон, а ты твердишь о каких-то жалких ста фунтах! Мерзавец! Нынче же тебя ждет каземат как разбойничьего пособника! Уразумел?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.